

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

30

МЮНХЕН 1983

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Пирожкова. Коммунизм и молодежь Запада</i>	1
<i>Г. Алексеенко. Опасные надежды</i>	3
<i>Н. Штифанов. Высказывания великих русских ученых о коммунизме</i>	3
<i>В. Зарубин. Под увеличительным стеклом КГБ</i>	10
<i>А. Федосеев. Давайте подведем итоги</i>	13
<i>Н. Воейков. На имперских путях России</i>	18
<i>В. Писарев. Слова, слова...</i>	25
<i>А. Карамзов. Стихи</i>	30
<i>В. Рудинский. Обзор зарубежной печати</i>	32
Рецензии	37
Письма в редакцию	46
Обращение Комитета спасения советских пленных в Афганистане	48

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 30

Сентябрь 1983

МЮНХЕН

В. ПИРОЖКОВА

КОММУНИЗМ И МОЛОДЕЖЬ ЗАПАДА

С первых же строк следует оговориться: дело идет, конечно, не обо всей молодежи Запада, но о довольно значительной и самой шумной ее части. В прошлом году, например, был сделан опрос среди студенческой молодежи немецких университетов, и согласно этому опросу 70% студентов считают идею коммунизма хорошей; правда, лишь 10% считают хорошей и практику его в тех странах, где он победил. Напротив, среди молодых рабочих лишь 30—40% считают идею коммунизма хорошей, остальные уже и идею хорошей не считают, тем более практику. Коммунизм как был идеей интеллектуалов, так ею и остался, хотя ясно, что было бы крайне несправедливо винить в его поддержке и пропаганде всю интеллигенцию той или иной страны. И среди этих 70% студентов далеко не все остаются приверженцами идеи коммунизма и в более зрелом возрасте. Профессору университета наглядно видно, как меняется число этих приверженцев по мере продвижения студентов в ходе их учения: чем больше число семестров за спиной у студентов, тем меньше среди них приверженцев коммунизма даже как идеи, тогда как начинающие заражены этой идеей в большом количестве. Но, конечно, немало и таких, которые остаются приверженцами коммунизма, особенно в тех университетах, где много левых доцентов и профессоров.

О причинах притягательности для известной части, особенно молодых, интеллектуалов марксистской идеи было высказано много предположений. В короткой статье нет возможности их перечислить, но на одну из причин хочется указать. Марксизм претендует на то, что он может устроить жизнь общества рационально, так сказать, по логарифмической линейке. Как раз для людей, считающих себя людьми науки и одновременно принимающих за науку только то, что можно познать рационально, расчитать и взвесить, идея рационального устройства общества очень соблазнительна. Соблазнительно также думать, что если рациональное устройство не удалось, то не потому, что жизнь вообще нельзя устроить, исходя

из одного рации, что именно такая-то попытка и дает неизбежно самые страшные результаты, — нет, если попытки до сих пор были неудачны, то виноваты неумелые строители и дурной "материал".

Может быть, это одна из причин нечувствительности известной части западных интеллектуалов к страданиям народов, подпавших под владычество коммунизма: они невольно рассматривают эти народы как негодный человеческий материал, а к негодному материалу трудно иметь чувство жалости или сострадания; они слишком легко перекрываются чувством досады на этот самый несчастный "материал", который "испортил" такую "блестящую идею". Может быть, это одна из причин широко распространенной нечувствительности западной молодежи к жертвам коммунизма. Эта молодежь часто производит впечатление очень чуткой. Но чуткость эта совершенно односторонняя. Если широко распространено сочувствие жертвам нацизма, хотя это уже прошлое, то о жертвах, скажем, сталинского времени и говорить не стоит, т. к. молодые слушатели лишь презрительно отмахнутся: это, мол, далекое прошлое. Тем более смешно и заикаться перед ними о жертвах коллективизации. Это еще можно объяснить тем, что в Западной Европе если не сами эти молодые люди, то их отцы, матери, бабушки, дедушки, бабушки столкнулись непосредственно с нацизмом, то ли как жертвы, то ли как соучастники, а дети и внуки их или все еще болеют страданиями отцов и дедов, или стыдятся за них, если они были нацистами. Но чем объяснить то, что в наше время любое ущемление тех или иных людей, действительное или только мнимое, в какой-нибудь некоммунистической диктатуре Латинской Америки вызывает у этой европейской молодежи самые сильные эмоции, а такое же или худшее страдание в коммунистической диктатуре оставляет их равнодушными? Ни отцы, ни деды нынешней европейской молодежи не были ответственны за диктатуру Батисты или Сомозы, и никто из них не пострадал от этих диктатур, но тем не

менее известная часть европейской молодежи бурно сочувствовала жертвам Батисты и совершенно равнодушна к жертвам Кастро.

Это относится не только к диктатурам. Недавно в Англии было голосование, ввести ли снова смертную казнь. Решение выпало против смертной казни. Но если бы было решено ввести ее, и притом преимущественно голосами консервативных, хотя бы лишь для самых страшных преступников, то шум не унимался бы месяцами. Уже одно только предположение, что смертная казнь может быть введена, вызвало бурные протесты. Но вот во всех немецких газетах можно прочесть, что в СССР приговорен к смертной казни старый калмык Лукьянов за... измену родине. История этого человека трагична. Он остался в Западной Европе, попал туда во время второй мировой войны, жил и работал в Бельгии и получил там гражданство. У него там жена и девять детей. Уже в 1967 г. он решил, что, поскольку он теперь по паспорту бельгиец, он может посетить своих родных, оставшихся в СССР. Он получил визу, побывал в СССР и вернулся благополучно обратно. Это побудило его в следующем, 1968 г., снова поехать в СССР. На этот раз его арестовали, как только он перешел границу. Он был "признан" ненормальным и 15 лет содержался в психиатрической клинике. Но недавно было объявлено, что он вылечился, причем задним числом, т. е. способом, известным только "прогрессивным советским врачам". Все эти 15 лет и предыдущие годы он был якобы болен, а теперь оказался здоров. Какие успехи сделала советская медицина! И вот 69-летнего старика, промучившегося 15 лет в психиатрических клиниках, приговаривают к смертной казни, т. к. если он задним числом сделан здоровым, то должен и отвечать за свои поступки, т. е. за "измену родине".

Поднялся бурный протест европейской молодежи? Ничуть. Ведь шумит всегда только определенная часть молодежи, а этой молодежи старый человек, которого казнят в СССР, совершенно безразличен. Не потому, конечно, что он — калмык, азиат. Расизма у них нет. Если в Чили или какой-нибудь другой военной диктатуре Латинской Америки будут арестованы индейцы, то шум поднимется большой. Дело не в том, кто арестован, — дело в том, кто арестовывает. Ведь западнонемецкая молодежь совершенно безразлична к арестованным или убитым на границе из автоматов немцам из Восточной Германии, но полна сочувствия к арестованным аргентинцам, безразлично какого расового происхождения. Дело не в расе или национальности жертв, все дело в идеологии палачей. Если она шумной части западной молодежи подходит, то жертв не жаль; если эта идеология им не подходит или ее нет вообще, то они полны сострадания к жертвам.

Конечно, во многом виноваты средства информации, но все же нельзя сказать, что в Западной Германии мало извещают о жертвах коммунистического режима в Восточной Германии. Тем не менее это не трогает шумную часть западнонемецкой молодежи. Повторяем, другая, не левая, часть молодежи многочисленнее, но несравненно молчаливее.

Отчего так? Мы опять возвращаемся к понятию научности, столь широко распространенному. Национал-социализм, например, или фашизм считаются иррациональными движениями, а потому заранее дурными. Их жертвы были жертвами произвола, а потому это было ужасно, и жертвам их — все сочувствие. Коммунизм же, марксизм — это "научная", рациональная идеология. И тех, кто не хочет этого понять, приходится смирать или даже уничтожать. Это не произвол, это совершенно точный расчет, научный расчет, а разве можно противостоять науке? Если кто пытается это сделать, тот сам виноват.

Своеобразное отношение к тому, что "научно" и что "ненаучно", помогает к тому же не замечать жертв коммунизма. В "Новом Русском Слове" от 26 июня есть потрясающая статья Игоря Ефимова "Возрождение законности при Сталине". В лекции под этим названием профессор Питер Соломон совершенно "неопровержимо" "доказал", что при Сталине была или, вернее, восстанавливалась законность, доказал по... советским книгам и журналам и при помощи интервью с советскими юристами. Совершенно верно, только эти материалы считаются научными. Этим заражены уже студенты. Если студенту предлагаешь написать хотя бы лишь работу для семинара по воспоминаниям очевидцев, сидевших в концлагерях, студент жметса и заявляет, что это "ненаучно". Но любая советская статистика "научна", т. к. она официальна, она предлагается в нормированной, в "научной" форме. Вся беда в том, что понятие о науке как о поисках истины в широких кругах интеллектуалов заменено стремлением соблюсти известные правила при использовании материала, правила, которые они считают непреложными, но которые как раз неприложимы к коммунистическим идеологическим диктатурам и их идеологизированной "науке". Так и получается, что мы, свидетели страшных лет, узнаем "совершенно научно", что все страшное нам, видимо, приснилось, на самом деле ничего не было. И когда студенческая молодежь учится у таких профессоров, как проф. Соломон, можно ли ее винить, если у нее превратные понятия? Они и будут так думать до тех пор, пока не испытают коммунизма на себе.

Но не надо забывать, что большая часть западной молодежи все же иная. Она не такая шумная, но она в большинстве, и на выборах в демократии все же определяет большинство.

Г. АЛЕКСЕНКО

ОПАСНЫЕ НАДЕЖДЫ

Не так давно А. Федосеев справедливо критиковал проповедников опасных надежд на эволюцию коммунизма (Г.З. №20, стр. 27). Однако теперь он вдруг начал защищать совсем иную точку зрения, утверждая, будто есть шансы на то, что вожди заменят социализм* такой демократией, при которой "жили и процветали многие цивилизации" (Г.З. №28).

Редакция Г.З. вполне права: опасные надежды на эволюцию коммунизма надо разоблачать. Никакой эволюции и никакого процветания за 65 лет коммунизма не произошло и не может произойти. Уж такова сущность коммунизма.

А. Федосеев ошибается, утверждая (Г.З. №15), что единственный признак коммунизма — ликвидация частной собственности. Коммунизм небывалое явление. До сих пор за всю историю человечества не было власти, провозглашающей богоненавистнический и богохульствующий атеизм принудительной государственной религией. Результат налицо — миллионы атеистов-марксистов. Об этом постоянно говорят Солженицын и другие авторы. Ю. Марголин, со свойственной ему ясностью, указывает на то, что для коммунистов "лагерная система была и остается их матерью, и Сталин по-прежнему остается их отцом, сколько бы они от него не отрекались"

(Г.З. №3). Превосходна статья покойного А. Абрамова на сходную тему — "Коммунистические иллюзии не изжиты" (Н.Р.Сл., 2-4-83).

К сожалению, у Федосеева встречаются не только противоречия, но и голословные утверждения. В Г.З. №20 он, говоря о западной демократии и не приводя никаких доказательств, пишет: "...это не истинная демократия — власть граждан. "Представители народа", как известно, никого кроме себя не представляют и бесценно управляют, подкупая избирателей и превращая их голоса в предмет купли-продажи". Почему это "известно", автор не объясняет. У демократии есть, разумеется, недостатки, но бездоказательно утверждать, что голоса избирателей превращаются на Западе в предмет купли-продажи, не к лицу серьезному журналисту. Многие из нас приняли гражданство на Западе и участвуют в выборах без какой-либо "купи-продажи". Обвинение в "бесценном управлении" — тоже плод фантазии автора. Такого рода необоснованные обвинения встречаются на страницах "Правды" и "Известий".

Статьи А. Федосеева интересны, но противоречивых и голословных утверждений следует избегать, поскольку они создают атмосферу, благоприятную для зарождения несбыточных и опасных надежд.

Н. ШТИФАНОВ

ВЫСКАЗЫВАНИЯ ВЕЛИКИХ РУССКИХ УЧЕНЫХ О КОММУНИЗМЕ

Дмитрий Иванович Менделеев родился в 1834 году в сибирском городе Тобольске в семье директора гимназии; он был младшим, семнадцатым, ребенком у своих родителей.

Как ученый Менделеев известен всему миру своим открытием периодического закона для известных в его время химических элементов и своим предсказанием о качествах и свойствах еще неизвестных тогда новых элементов. Его нередко называют отцом современной химии. Бурно развившаяся в 20-м столетии атомная физика также базируется на его таблице элементов, всем нам известной еще со школьной скамьи.

Но Менделеев не был только химиком. Он

живо интересовался многими другими вопросами, в том числе и общественными, и выступал не раз в печати со своими высказываниями, вызывая порой сильную оппозицию со стороны несогласных с ним. Его политические взгляды не были консервативными: он, опираясь на сравнение с другими странами, доказывал, что, несмотря на обширность территории и обилие природных богатств, Россия отстала от передовых стран во многих отношениях и ей необходимо быть прогрессивной. В частности, индустриализация является не злом, а благом для отечества, однако при условии, что прогресс в России будет осуществляться в национальных интересах и на основе соображений, учитывающих реальность, а не на основе благих пожеланий всяких мыслителей, рассуждающих абстрактно и в отрыве от реальных

* А. Федосеев не усматривает разницы между коммунизмом и социализмом (см. Г.З. №16).

возможностей мирного осуществления их идей. Он восставал как против псевдопрогрессивных утопистов, так и против ретроградов, проповедников сохранения патриархальной Руси.

В июне 1906 года вышел из печати главный труд Менделеева по общественным вопросам, озаглавленный "К познанию России". В течение менее чем одного года этот труд был переиздан пять раз*.

Не касаясь всех вопросов, освещенных автором, остановимся только на его критике идей коммунизма.

Главным пороком марксизма Менделеев считал непонимание принципиальной и глубокой разницы между понятиями "труд" и "работа". Он писал:

"Трудом, или, лучше, производительным трудом должно называть нечто совершенно отличающееся от того, что называется работой в исключительно механическом смысле этого слова, потому что под трудом понимается нечто не животное-инстинктивное, а волею и сознательностью определяемое действие людское, назначаемое для получения пользы, или для удовлетворения потребности или спроса обще-людского и только в том числе и для своего личного... В труде уже содержится понятие о свободной воле; к работе можно принудить, к труду же люди приучаются только по мере развития самосознания, разумности и воли. Работу могут производить и ветер, и вода, и животные; труд же есть дело чисто человеческое, выражающееся не только внешним, так сказать, физическим результатом, но и внутренним, так сказать, духовным способом, особенно влиянием на волю других людей" (55).

"Те точки зрения, с которых становится очевидным глубокое различие между работой и трудом, дают возможность сразу видеть ошибочность основных посылок коммунистов и социалистов, полагающих, прежде всего, что полезности производятся исключительно работой, тогда как в их создании более всего участвует именно свободный труд, всего яснее видимый в изобретательности, которую уже ни под каким углом зрения нельзя ни смешивать, ни отождествлять с работой. Свобода истинная и труд — понятия родственные" (55).

"Смысл денег или вознаграждения исключительно сводится к пониманию труда.

И те, которые идут за Марксами и считают ценною или принимают во внимание только людскую работу, находятся в грубейшем заблуждении, чего мне даже не хочется и доказывать вследствие очевидности, потому что все высшее и лучшее, начиная с постижения истины, с достижения добра и с произведенной искусств, получается большим трудом, но малою работою... Только труд делает общественное сложение постоянно улучшающимся чрез изобретения и приложение внутренней энергии к общей пользе" (56).

"...для народившихся коренных вопросов России надо найти не мечтательные или ретроградные, а практически выполнимые и вперед идти побуждающие ответы" (59).

Анализируя пункт за пунктом результаты всероссийской переписи населения в 1897 году, Менделеев делает немало вполне обоснованных выводов, вплоть до предсказания того, что ждет Россию в случае прихода к власти коммунистов. Так, например, о числе людей, занятых в его время в казенной администрации, суде и полиции, а также в сословно-общественных организациях, Менделеев сообщает:

"Примечательно, что общее число всех перечисленных выше "служащих" во всей России составляет лишь 336 тысяч, т. е. около одной четверти процента всех жителей" (67). Однако

"...не мало у нас лиц, которые полагают, что число "служащих" у нас очень велико, тогда как оно в сущности очень мало, и если бы, чего не дай Бог, в каком-нибудь виде осуществились где-нибудь утопии социалистов и коммунистов, то число одних тех, которые будут распределять работы, сгонять на них и наблюдать за ними, равно как и за общими порядками, стало бы, наверное, во много, много раз превосходить число современных "служащих" (67).

Разве это не гениальное предвидение современного количества советских и партийных бюрократов, погонщиков, охранников, пропагандистов, лжеученых, "инженеров человеческих душ" и прочих привилегированных тунеядцев?

Наконец, актуальны для нашего времени также следующие мысли Менделеева о народном образовании в России:

"Если к распространению образования отнесутся наши передовики в предстоящем времени формально и спешливо, то добрых плодов... нельзя ждать, даже возможно ждать грубого или явного разочарования, первым поводом к которому уже ныне служит смешение ученья и науки с политикой. Перед судом будущего должны ответить те, которые послужили своими делами и речами для дела этого смещения..." (71).

* Позднее он переиздавался уже за пределами России, и мне известны два таких издания (оба на русском языке): в 1924 году изд-вом "Милавида" в Мюнхене и в 1952 году изд-вом памяти А. А. Власова в Буэнос-Айресе. Цитаты приводятся мною из этой последней книги, представляющей собой репринт оригинального издания (по старой орфографии). После каждой цитаты в скобках указана страница.

Увы, суд будущего еще не настал, и политика господствует над всем народным образованием в СССР, начиная с песенок в детских садах и кончая докторскими диссертациями...

Дмитрий Иванович Менделеев умер 20 января (по старому стилю) 1907 года, не дожив до захвата коммунистами власти в России. И нам теперь приходится признать, что, хотя многие его идеи были использованы в царское и советское время (в химии, в перемещении центра России к востоку, в добывании натурального газа из недр земли и др.), но его вполне обоснованное полное отрицание благ социализма и коммунизма не было большинством россиян своевременно воспринято. И в этом — не только вина дореволюционных поколений, но и последующих, вплоть до современной молодежи.

Иван Петрович Павлов родился в 1849 году в семье рязанского священника. Он был перенцем у своей матушки.

По окончании духовной семинарии, вопреки русской традиции, он не пожелал стать священником и поступил в Петербургский университет, где изучал химию и физиологию, после чего всю свою жизнь посвятил науке. В 1890 году он стал профессором Императорской Медицинской академии, а в 1904 году — лауреатом Нобелевской премии по физиологии. Главной его заслугой в науке является открытие законов условных рефлексов, тесно связанных с высшей нервной деятельностью человека. Его знаменитые эксперименты на собаках для уточнения этих законов заняли у него долгий период времени, от 1898 года по 1930-й. Начиная с 1930 года и до конца своей жизни, уже в почтенном возрасте, Павлов посвятил себя объяснению психозов — в особенности шизофрении и паранойи — с целью найти наилучшие методы лечения этих болезней.

Взаимоотношения Павлова с коммунистами, пришедшими к власти в 1917 году, отличаются двумя примечательными особенностями: Павлов нисколько не боялся открыто выступать против коммунизма, а коммунисты, в свою очередь, пытались бесплодно изменить взгляды Павлова и вызвать его симпатии к себе, не останавливаясь ни перед какими материальными приманками для него.

Вот что можно обнаружить в сочинениях Ленина:

“Председателю Петроградского исполкома т. Зиновьеву.

Знаменитый физиолог Павлов просится за границу ввиду его тяжелого в материальном отношении положения. Отпустить за границу Павлова вряд ли рационально, так как он раньше высказывался в том смысле, что, будучи правдивым человеком, не сможет, в случае возникновения соответственных разговоров, не высказаться против Советской власти и коммунизма в России.

Между тем ученый этот представляет собою такую большую культурную ценность, что невозможно допустить насильственного удержания его в России при условии материальной необеспеченности.

Ввиду этого желательно было бы, в виде исключения, предоставить ему сверхнормальный паек и вообще озаботиться о более или менее комфортабельной для него обстановке не в пример прочим...

Ленин”.

(Написано 25 июня 1920 г. — см. Ленин, том 51, Москва, 1965.)

В январе 1921 года Совнарком, за подписью Ленина, постановил:

“Поручить Комиссии по Рабочему снабжению предоставить академику Павлову и его жене специальный паек, равный по калорийности двум академическим пайкам.

Поручить Петросовету обеспечить профессором Павлова и его жену пожизненным пользованием занимаемой ими квартиры и обставить ее и лабораторию академика Павлова максимальными удобствами”.

В 1929 году правительство СССР постановило в связи с 80-летием со дня рождения Павлова:

“...признать необходимым дальнейшее обеспечение наиболее благоприятных условий для научно-исследовательской работы руководимой И. П. Павловым физиологической лаборатории при Государственном Институте Экспериментальной медицины”.

В бюджете СССР на 1929/1930 бюджетный год было специально предусмотрено сто тысяч рублей на переоборудование лаборатории и для постройки нового здания биологической станции для нужд Павлова.

Очень трудно найти где-нибудь письменные труды Павлова по критике коммунизма. Политикой он не занимался и, вероятнее всего, ничего написанного им по этому вопросу вообще не существует. Однако широко известны его устные высказывания, и они засвидетельствованы многими лицами, включая Ленина, Бухарина, Горького и др. Бухарин был даже назначен, как теоретик и “лучший сын партии”, вести полемику с Павловым с целью его переубедить или хотя бы смягчить его неприимность. Известен также ряд его открытых демонстраций против властей: отказ от персональных пайков ему и жене с требованием избавить от голодания его сотрудников; протест против исключения из Военно-медицинской академии в 1924 году студентов — сыновей священников — с заявлением об отставке его самого из профессуры, как сына священника; в 1927 году голосование в Академии наук (в единственном числе) против принятия в ее члены “красных профессоров”; в конце 20-х годов недопущение Бухарина в свою лабораторию; в период разрушения церквей — борьба

за сохранение церкви, прихожанином которой он был; и ряд других протестов и смелых выступлений.

Вот, например, что сообщил английский писатель Герберт Уэльс о своей беседе с И. П. Павловым в июле 1934 года:

“Павлов говорил так, как никому в России говорить не позволено. Новый режим, говорил он, донныне не создал ничего, что бы заслуживало внимания. Все им созданное следует считать пока лишь огромным и неумело проведенным опытом, сделанным при этом без надлежащей проверки... Когда я его спросил, что он думает о диалектическом материализме, он, вместо ответа, сделал насмешливый жест”.

Не надо забывать, что это высказывание Павлова было сделано в самый разгар расправы Сталина со всеми его действительными и мнимыми врагами, начиная от крестьян и кончая ближайшими его соратниками*.

В чем же конкретно обвинял Павлов коммунизм в теории и на практике? В поисках ответа на этот вопрос я случайно натолкнулся на изданную за границей книгу под названием “Путь к социализму в России (избранные произведения Н. И. Бухарина)”**. В этой книге помещена статья Бухарина под названием “О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (ответ профессору И. Павлову)”***. Оказывается, Павлов прочел в актовом зале Военно-медицинской академии, приблизительно в 1922 году (точной даты мне установить не удалось), при большом стечении студентов и других слушателей, вводную лекцию к своему курсу, которую посвятил целиком жестокой критике коммунизма. Стенограмма этой лекции была доставлена Бухарину для отповеди

* Я думаю, что Сталин сохранил жизнь Павлову и помогал ему в расширении его исследований отнюдь не из гуманных побуждений или из уважения к людям науки. В лаборатории Павлова проводились порой такие эксперименты, которые могли бы очень заинтересовать Сталина в его подлых стремлениях: подавить своемыслие граждан, обожествлять коммунизм и его вождя, проявлять радость при плохой жизни, сознаваться в преступлениях, которых не было, и т.п. Как пример, следует привести результаты собственных опытов некоей ассистентки Ерофеевой. Она в лаборатории Павлова пропускала электрический ток через голодную собаку с последующим кормлением ее. Сначала собака испытывала жестокие страдания, но, после многократного повторения таких опытов, эти страдания постепенно сошли на нет и превратились в удовольствие: животное облизывалось и виляло хвостом, находясь под током, предвкушая еду, которую ей давали сначала немедленно после выключения тока, а потом с задержкой. (Об этом рассказано в книжке Александра Поповского “Павлов”, изд. “Молодая гвардия”, Москва, 1946, стр.117–118.)

** Издана в Нью-Йорке на русском языке в 1967 году под редакцией Сидни Хэйтмена, профессора истории университета штата Колорадо.

*** Эта статья перепечатана из журнала “Красная Новь” за 1924 год, книги 1 и 2.

Павлову. В своей статье Бухарин опубликовал довольно честно многие цитаты из стенограммы и дал свои ответы на них. Часть этих цитат, приводимых ниже, дает ясное представление о взглядах Павлова (в конце цитат названы страницы из книги “Путь к социализму в России”).

“Догматизм марксизма или коммунистической партии... есть чистый догматизм, потому что они (коммунисты) решили, что это — истина; они больше ничего знать не хотят, постоянно бьют в одну точку. Между тем, наука и догматизм — совершенно несовместимая вещь. Наука и свободная критика — вот синонимы; а догматизм — это не выходит... Сколько было крепких атома? Возьмите, например, неделимость атома. И вот прошли года, и ничего от этого не осталось. И наука вся переполнена этими примерами. И если вы к науке будете относиться как следует, если вы с ней познакомитесь основательно, тогда, несмотря на то, что вы — коммунисты, “рабфаки” и так далее, тем не менее, вы признаёте, что марксизм и коммунизм — это вовсе не абсолютная истина, это — одна из теорий, в которой, может быть, есть часть правды, а может быть, и нет правды. И вы на всю жизнь посмотрите со свободной точки зрения, а не с такой закабаленной” (183 — 184).

“По теперешним газетам понятие о жизни едва ли можно составить: они слишком пристрастны, и я их не читаю” (187).

“Лично я, по своей профессии ученого, думаю иначе, чем коммунисты... Выход все-таки один, выход все-таки в науке, и на нее я полагаюсь и думаю, что при помощи ее человечество разберется не только в своем состязании с природой, но и в состязании со своей собственной натурой... Так что для меня все-таки выход в развитии и проникновении в человеческую массу научных данных. Они остановят человечество перед этим страшным видом взаимного истребления, на пролетарском или капиталистическом основании, — все равно” (189).

Критикуя брошюру Бухарина “Пролетарская революция и культура”, Павлов сказал:

“В этой книжке прежде всего остановил мое внимание тот же пункт, который поразила меня в прошлом году в другой книге, в “Азбуке коммунизма”. Это именно категорически высказываемое предположение, что пролетарская революция или коммунистическая революция может победить только как мировая революция, то есть в мировом масштабе. Вот моя мысль остановилась на этом пункте в первую голову. Но какие есть доказательства, что такая революция обобщится, что она действительно делается мировой?.. И вот, сколько я ни роюсь в впечатлениях от жизни... я не вижу того, что бы

указывало на возможность мировой революции (подчеркнуто Бухариным) ... Лидеры нашей правящей партии верят в то, что мировая революция будет, но я хочу спросить: до каких же пор они будут верить? Ведь нужно положить срок. Можно верить всю жизнь и умереть с этой верой. Должны быть осязательные признаки, что это имеет шансы быть, а где эти признаки?" (192—193).

Далее, разбирая по очереди важнейшие страны, начиная с Франции, Англии и Америки, в которых для революции "никаких признаков нет, тишь да гладь", и кончая побежденными странами во главе с Германией, в которых наблюдаются беспорядки, "но это ничего общего с революцией не имеет", Павлов спросил:

"Где те элементы, которые могут сделать революцию? Буржуазия не за революцию. Наиболее организованная часть рабочих, социал-демократы, против этой революции. Кто же ее может сделать? Значит, ее сделает ничтожная там компартия?.. Какие у них ресурсы?"

В итоге, революция в России

"стоила нам невероятных издержек, страшнейшего разрушения; а что, если это все впустую (подчеркнуто Бухариным), если мировая революция не случится?" (193).

Критикуя далее Бухарина и цитируя Маркса, предвидевшего 15, 20, 50 лет гражданских войн и битв народов, Павлов обоснованно предсказал:

"Если бы желание нашей (правящей) партии осуществилось, то резня во всех нациях произошла бы такая, которая неизмеримо превзошла бы ту, которая была у нас" (203).

Следует также привести составленную Бухариным таблицу основных результатов буржуазных войн и пролетарских битв, как они представлялись Павлову:

1. Буржуазия

Четыре года мировой войны.

Они измучили человечество.

В этом виновата германская буржуазия, которая начала войну.

2. Пролетариат

50 лет великих международных и гражданских войн.

Они совершенно dokonают человечество. Это предлагает от имени пролетариата Маркс, а вместе с ним и все коммунисты"

(204—205).

В отношении народного образования, развития культуры и науки под властью коммунистов, Павлов, как бы перекликаясь с Менделеевым, резко и сердито выразил протест против классового подхода во всех этих вопросах, против засилья политики и невежества:

"Люди вообразили, — сказал он про коммунистов, — что они, несмотря на заявление

о своем невежестве, могут переделать все образование нынешнее" (207).

"Сейчас на что-нибудь даются огромные деньги, например на Японию, в расчете на мировую революцию, а рядом с этим наша академическая лаборатория получает три рубля в месяц... Надо разумно давать, понимать для того, чтобы делать, значение биологии, значение другого вопроса и т.д. Этого ничего нет. И что же, если эту самую науку будут третировать люди, которые сами признают, что они ничего в этой науке не знают, что из этого выйдет? Разве это не чрезвычайная опасность для науки?" (208).

Далее, как основной вывод, Павлов высказал убеждение, что политика коммунистов "ведет к уничтожению русской культуры" (210).

Как же отвечал Бухарин на все обвинения Павлова? Не приводя его многословных и детальных ответов, можно коротко сказать, что эти ответы были построены в типично коммунистическом стиле на следующих основах:

Павлов далек от интересов пролетариата; он политически необразован: не читает советских газет;

существует два мировоззрения: буржуазное и пролетарское, и этим определяется все остальное: общественный строй, культура и наука;

пролетариат — неуч по сравнению с буржуазией, но он учится и выучится;

мировая пролетарская революция уже происходит, и она в будущем неизбежно осуществится, ибо научно предсказана Марксом;

пролетариат не погубит мир, а, наоборот, спасет его от гибели;

и так далее, в том же духе, с упором на будущее.

Нам теперь ясно, что жизнь доказала правоту многих высказываний Павлова, и правителям в СССР пришлось поневоле отказаться от многих своих "пролетарских" догм:

классовый подход в народном образовании отменен;

деление естественных наук на буржуазные и пролетарские почти сошло на нет. Признаны бывшие "буржуазные" науки, такие, как теории Эйнштейна, генетика, кибернетика и многие другие, включая даже парапсихологию (но гуманитарные науки все еще "пролетарские");

о победе пролетариата в мировом масштабе много теперь не пишут;

слово "пролетариат" изъято из употребления (за исключением лозунга "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!");

русская история и культура более не уничтожаются, хотя все еще находятся под сильным партийным прессом.

Иван Петрович Павлов умер естественной смертью (от воспаления легких) 27 февраля 1936 года. Его оппонент Н. И. Бухарин был арестован ровно через год, 27 февраля 1937 года, в течение целого года он был под допросом с пристрастием, судим, назван на суде (в речи государственного прокурора Вышинского) "проклятой помесью лисицы и свиньи", и в марте 1938 года расстрелян. Он до сих пор так и не реабилитирован той самой партией, история которой знаменита пожиранием своих собственных "лучших сынов" вместе с миллионами неповинных людей*.

Всемирно известный русский ученый, ныне здравствующий академик Андрей Дмитриевич Сахаров родился 21 мая 1921 года в Москве в интеллигентной семье преподавателя физики и, следовательно, никакой другой жизни, кроме как под коммунистической диктатурой и в привилегированных — по советским стандартам — условиях, он на себе не испытал.

Идя по стопам отца, имея наилучшие условия для своего образования и научной деятельности, он в возрасте 34 лет стал действительным членом советской Академии наук, а позднее — и членом нескольких иностранных научных академий, в том числе и в Соединенных Штатах. Его открытия и изобретения в атомной физике — индивидуальные и совместно с другими советскими учеными — открыли новую эпоху в получении энергии из материи, позволившие правительству СССР создать и испытать водородную бомбу, самое страшное оружие для истребления людей и всего живого.

Всякое научное открытие можно использовать и на пользу, и во вред человечеству, чему можно привести бесчисленное множество примеров. В случае вреда вина лежит не всегда на ученых, но всегда на тех людях, которые имеют возможность реализовать на практике достижения науки, преследуя определенные злые или корыстные цели. На этом основании, я думаю, было бы несправедливо осудить Сахарова как ученого за то, что он — "отец водородной бомбы", как его окрестили многие, особенно на Западе. Впрочем, верно ли мое мнение или нет, лучше всего судить по словам самого Сахарова:

"...весной 1948 года я был включен в исследовательскую группу, занимавшуюся проблемой термоядерного оружия. Я не сомневался в жизненной важности создания советского сверхоружия для нашей страны и для равновесия сил во всем мире. Увлеченный грандиозностью задачи, я работал с максимальным напряжением всех сил, стал автором или соавтором некоторых ключевых идей".

"В 1950 году наша исследовательская группа вошла в состав специального института. В течение последующих восемнадцати лет я находился в круговороте особого мира военных конструкторов и изобретателей, специальных институтов, комитетов и ученых советов, опытных заводов и полигонов. Ежедневно я видел, как огромные материальные, интеллектуальные и нервные силы тысяч людей вливаются в создание средств тотального разрушения, потенциально способного уничтожить всю человеческую цивилизацию. Я наблюдал, что рычаги управления находятся в руках циничных, хотя по своему и талантливых людей. До лета 1953 года верховным шефом атомного проекта был Берия, во власти которого находились миллионы рабов-заключенных, почти все строительство осуществлялось их руками".

*"Мое положение давало мне возможность знать и видеть многое, заставляло чувствовать свою ответственность, и в то же время я мог смотреть на всю эту извращенную систему несколько со стороны. Все это толкало меня, особенно в идейной атмосфере, возникшей после смерти Сталина и XX Съезда КПСС, на общие размышления о проблемах мира и человечества, в особенности о проблемах термоядерной войны и ее последствий".**

Совесть ученого привела Сахарова к решению послать правителям СССР целый ряд призывов, протестов и предложений, направленных на прекращение ядерных испытаний и на снижение международной напряженности, во избежание войны. Эта его деятельность продолжалась с 1957 года и по 1968 год; она была мало кому известна и не привела к желаемым результатам.

В 1968 году своим опубликованием в Самиздате и за границей знаменитых "Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе" Сахаров сразу же приобрел мировую известность, что привело его к решению, оставив науку, посвятить себя открытой политической борьбе за свои идеи. Эта его миротворческая и правозащитная деятельность продолжается до сегодняшнего дня, т.е. в течение более чем 15 лет. Нет необходимости в короткой статье освещать все драматические перипетии этой борьбы, смелой, самоотверженной и — для него и его единомышленников — очень опасной: все это нам, в зарубежье, хорошо известно.

* См. брошюру "Сахаров о себе", изданную на русском языке издвом Альфреда Кнопфа в Нью-Йорке в 1974 году. Эта брошюра представляет собой предисловие к книге "Sakharov Speaks", edited by Harrison E. Salisbury, Alfred A. Knopf, New York, 1974. Предисловие подписано А. Сахаровым 31 дек. 1973 года. Приводимые цитаты взяты из брошюры "Сахаров о себе", стр. 6 и 7.

* Более подробно о диалоге И. Павлова и Н. Бухарина см. Дора Штурман "Мертвые хватают живых. Читая Ленина, Бухарина и Троцкого", 1982 г.

Но есть смысл попробовать докопаться до причин, почему честная, справедливая и благородная деятельность академика Сахарова, несмотря на отдельные частные успехи, не увенчалась никакими положительными существенными результатами и, прямо скажу, потерпела фиаско, что неоспоримо, хотя из вежливости и уважения к ученому всеми это замалчивается.

Я считаю, что виной всему является предложенная Сахаровым идея так называемой конвергенции, т. е. сближения двух систем, коммунистической и капиталистической, путем демократизации коммунистических диктатур и социализации западных демократий.

"...Факты говорят, что на любом другом пути, кроме все углубляющегося сосуществования и сотрудничества двух систем и двух сфер, со сглаживанием противоречий и взаимной помощью, — что на любом другом пути человечество ожидает гибель. Выбора нет"^{*}.

Это было высказано в 1968 году и вновь повторено совсем недавно, в 1983 году.

"Безусловно, конечная цель — международная безопасность, устранение и уничтожение ядерного оружия, сближение — конвергенция — стран с различным строем — в долгосрочном плане именно конвергенция — альтернатива всеобщему уничтожению. Эта цель не может быть достигнута вне глубоких политических и идеологических изменений в отношениях между социалистическими и западными странами, в самих этих странах"^{**}.

По всем правилам научного мышления, академик Сахаров не просто высказал свою идею конвергенции, но постарался обосновать ее логически, исходя из двух предпосылок, которые надо принимать как очевидные истины:

"1) Доказана жизнеспособность социалистического пути, который принес народу огромные материальные, культурные и социальные достижения, как никакой другой строй возвеличил нравственное значение труда.

2) Нет оснований утверждать (как это часто делают по догматической традиции), что капиталистический способ производства приводит в тупик производительные силы, является несомненно худшим с точки зрения производительности общественного труда, чем социалистический способ производства, и тем более нельзя утверждать, что

капитализм всегда приводит к абсолютному обнищанию рабочего класса" ("Размышления" в издании "Посева", стр. 37—38).

Вторая предпосылка не вызывает возражений, она действительно очевидна и объективно правильна. Но вот первая предпосылка никак не очевидна, она субъективна (вероятно, основана на собственном жизненном опыте автора, но не на опыте рядовых граждан СССР), и она опровергнута не кем-нибудь другим, а самим же Сахаровым:

"Наша страна за 56 лет прошла путь тяжелых потрясений, страданий и унижений, физического уничтожения миллионов лучших в нравственном и интеллектуальном отношении людей, десятилетия казенного лицемерия и демагогии, внутреннего и внешнего приспособленчества... Для психологической обстановки в стране также очень существенно, что люди устали от бесконечных обещаний экономического процветания в самом ближайшем будущем, разуверились в громких словах вообще. Уровень жизни (питание, жилье, одежда, возможность отдыха), социальные условия (детские учреждения, медицинские и учебные заведения, пенсии, охрана труда и т.п.) — все это крайне отстает от уровня в развитых странах" ("Сахаров о себе", стр. 16 и 17).

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Как вообще можно согласовать первую предпосылку, высказанную в 1968 году, с явным опровержением ее тем же автором в 1974 году? Получается ведь двойкий логический вывод из этого. Если первая предпосылка была верной, то и теория конвергенции является тоже верной, а значит, и практически осуществимой. Но если опровержение этой предпосылки является верным, то ни о какой конвергенции не может быть и речи иначе, как о ненаучной несбыточной мечте, типично интеллигентской утопии, благом намерении, ведущем известно куда.

В самом деле, в реальности конвергенция еще частично приемлема со стороны капиталистов — в очень осторожном ее развитии, — но она полностью отвергнута коммунистами, заявлявшими многократно и недвусмысленно, что идеология коммунизма абсолютно непримирима к капитализму и что победа коммунизма во всем мире возможна только в решительной схватке: кто — кого. Подробные предложения Сахарова по демократизации коммунистического режима, изложенные им в "Памятной записке", верноподданнически адресованной Л. И. Брежневу в 1971 году, были не только игнорированы властями, но вызвали еще большие гонения на тех диссидентов, которые добивались придания "человеческого лица" коммунизму.

Несмотря ни на что, Сахаров все еще провозглашает свою конвергенцию как единст-

* А. Д. Сахаров. "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе", изд. во "Посев", 1968, стр. 38.

** Речь А. Д. Сахарова, прочитанная Татьяной Янкевич в апреле 1983 года на собрании Американского Физического общества по случаю присуждения Сахарову премии Лео Сцилларда (см. газету "Новое Русское Слово", Нью-Йорк, 29 апреля 1983 года).

венный путь для спасения человечества от гибели. "Выбора нет", — объявил он. Так ли это? А может быть, есть и другая, исторически назревшая альтернатива, логически вытекающая из опровержения Сахаровым своей первой предпосылки, это — ликвидация коммунизма в Советском Союзе, как ненаучной, агрессивной и злобной теории и практики, губительной для русских*. Свержение коммунистических поработителей — это единственный путь для демократизации страны, для реальной конвергенции с передовыми капиталистическими странами и, следовательно, для спасения русских от полного истребления.

Но для осуществления этой альтернативы надо быть принципиальным и непримиримым антикоммунистом, русским патриотом, ищущим пути для осуществления своих идей не на

Западе, а в своей родной стране, с отказом от каких бы то ни было просьб, рекомендаций или осуждения других стран.

Таковыми русскими патриотами были Менделеев и Павлов. Но, скажу откровенно, не лежит у меня душа поставить Сахарова в один ряд с ними до тех пор, пока он, на основе собственного опыта и здоровой логики, не перестанет быть только легальным оппозиционером, а станет идейным непримиримым антикоммунистом. Признавая, что он сделал очень много для подрыва престижа коммунистических вождей в СССР и для осуждения реального "зрелого социализма" там, и сознавая, что едва ли Сахаров, в его возрасте, станет менять свои политические убеждения, я лично по-прежнему питаю к нему полное уважение.

Валентин ЗАРУБИН

ПОД УВЕЛИЧИТЕЛЬНЫМ СТЕКЛОМ КГБ

Эти строки задуманы как продолжение моей предыдущей статьи о периодике, направленной против российской антикоммунистической эмиграции (см. "Голос Зарубежья" №27).

В указанной статье я остановился на личности советского художника Ильи Глазунова, который оскорбил религиозное чувство русских православных, написав на своем главном полотне рядом с нашим новопрославленным мучеником Императором Николаем II Гитлера и Сталина, и в этом я лично вижу антирусский акт.

Теперь я хочу поговорить о тех эмигрантах, которые поддались заманиваниям и стали сотрудничать с Советским Союзом. Они создали "Общество соотечественников за границей", которое финансируется частично Советским Союзом, имеет своих постоянных членов, свои помещения и клубы. В клубах устраиваются встречи, танцы, доклады и просто пьянки по поводу советских праздников, например, 1 мая и 7 ноября, также на Новый год и при других удобных случаях. Все это популярно, т. к. в это общество вступают в большинстве случаев неустойчивые, политически неграмотные и не нашедшие для себя на Западе правильного пути эмигранты. Советской власти эти элементы не нужны в самой стране, тем более, что многие из них уже неработоспособны. Поэтому их оставляют на Западе. Многие из них и хотели бы вернуться на родину, но их не пускают. В гости к родственникам или по коллективным льготным путевкам они могут поехать в СССР, где им показывают современные "потемкинские деревни".

Верю, что большинство из них не является агентами в том смысле, что они не подписывали обязательств помогать КГБ, но само "Общество" является маленьким винтиком для разложения Запада и устойчивой, непримиримой антикоммунистической эмиграции. Для "соотечественников" устраивают в разных городах Западной Германии киносеансы с демонстрацией советских фильмов. Фильмы показываются обычно в последнее воскресенье каждого месяца. Они поступают от атташе советского посольства по делам культуры. Показывают картины в воскресенье до обеда, чтобы удержать эмигрантов от посещения церкви. Какая картина будет в следующий раз, никогда не сообщается, чтобы все любопытные зрители были на месте.

Но кинотеатры остаются полупустыми, "соотечественников" не густо, а те, кто есть, в большинстве своем преклонного возраста, хотя иногда появляются и любопытные эмигранты, не завербованные в соответствующее общество, желающие посмотреть советский фильм, послушать русскую речь. Кроме пропагандных, в большинстве случаев из жизни колхозов, фильмов, бывают и неплохие на исторические темы.

Посещают кино и некоторые немцы, изучающие русский язык. Так обстоит дело в Мюнхене и других крупных городах Западной Германии. Нужно отметить, что входные билеты очень дешевы и доступны всем. Людям, часто посещающим кино, руководители "Общества" всучивают литературу, приглашают на свои собрания. Не всем, а только своим и тем, кто часто там бывает, вручают журнальчик "Родники".

"Родники" — "культурно-просветительный"

* Не только русских, но и всех других народов нынешнего СССР. — Редакция.

журнал на русском и украинском языках, издаваемый на прекраснейшей бумаге. Себестоимость журнала, как обозначено на последней странице, 1 нем. марка, но он распространяется бесплатно. Как издатель и редактор фигурирует некто К. Клаус, живущий в Западной Германии. На последней странице — рекламное объявление "Брюкен-Ферлаг", пресловутого коммунистического издательства в Западной Германии, финансируемого КГБ. Если в "Отчизне" можно встретить и неплохие статьи, художественные репродукции российских художников, отдел шахмат, то "Родники" напичканы чистой пропагандой наподобие "Правды". Половина журнала на русском, а другая на украинском языке.

Назовем несколько заглавий статей, которые говорят сами за себя: "Братство людей труда", "Родники" в колхозе", "Дружба народов", "Подвиг во имя счастья", "Советская внешняя политика: последовательный курс на разрядку", "СРСР у боротьбі за мир" и пр. Комментарии излишни.

В "Родниках" №4 за 1982 г. интересно описание посещения клуба общества "Дружба" во Франкфурте-на-Майне епископом Ставропольским и Бакинским Московской патриархии. При этом он потребовал "не щадить усилий в борьбе за мир". Предоставим слово самому епископу: "В законодательстве СССР нет статьи, которая бы предусматривала наказания за религиозные убеждения. Наоборот, советское законодательство предусматривает строгую ответственность за любое ущемление гражданских прав верующих, в том числе духовенства".

Лицемернее не скажешь!

Возмущает тот факт, что такой журнальчик издается на самой добротной бумаге, в то время как всем известна хроническая нехватка бумаги в СССР. Как нам сообщают, в Советском Союзе нет учебников, учащимся и студентам приходится приобретать нужные учебные пособия в магазинах "Старая книга". Классиков русской и иностранной литературы не достать, или же приходится платить баснословную цену на книжной толкучке. Нам достоверно известно, что комплект "Библиотеки всемирной литературы" в магазинах "Старая книга" покупают за... 3200 рублей. Интересно, за какую сумму его продают?

Хорошую книгу можно приобрести только в валютном магазине "Березка", нередко платя за нее в 3—4 раза больше валютных рублей, чем она стоит в советских рублях.

Но КГБ не тревожит нужда граждан, он имеет неиссякаемые фонды.

КГБ, уделяющий много внимания эмиграции, действует в западных странах из своих посольств и таких представительств, как "Интурист", "Аэрофлот" и ТАСС. В советских посольствах и консульствах, в которых сидят не-

редко по 700—800 человек, каждый имеет свой рессор. Есть люди, занимающиеся дезинформацией, есть таковые, в обязанность которых входит следить за эмиграцией. Антисоветскую эмиграцию стараются очернить, вбить клин в объединения эмигрантов, собрать о ней информацию. Нередко они имеют успех. Они используют ловко все ошибки самих эмигрантов, среди которых, к сожалению, часто можно встретить отсутствие толерантности к инакомыслящим, хотя сами они требуют уважения к своему мнению.

Кагебисты тщательно следят за эмигрантской прессой, ведут картотеку эмигрантов, нередко осужденных в Советском Союзе заочно. К высшей мере наказания, т. е. к смертной казни, приговариваются в первую очередь бывшие крупные военные, чекисты или дипломаты, избравшие свободу.

Но, несмотря на все старания кагебистов, эмиграция, в большинстве своем, непримирима по отношению к коммунизму и советской власти. Совпатриотов мало, и их никчемность видна всем.

Чекисты из посольства тратят много времени, труда и денег на работу с местным населением. Для этого у них создан большой аппарат. Сотрудничают они с коммунистами данной страны. И в такой стране, как, например, Западная Германия, где компартия невелика, они сотрудничают с разными коммунистическими группировками, которых много, хотя они и малочисленны. Издаются пропагандные книги на немецком языке в издательстве АПН-Москва, где описывается советский и колхозный рай. Лейтмотив пропаганды тот, что, мол, в СССР живут такие же люди, как и на Западе, и, в общем, так же. Существуют, правда, некоторые затруднения, зато квартиры стоят гроши, безработицы нет, трудящиеся социально обеспечены, процветают наука, искусство, спорт, граждане свободны. Ведь, объясняет советская пропаганда, и на Западе сидят люди в тюрьме, в том числе и по политическим мотивам. Здесь производится сознательно подмена, внушается, что террористы осуждены не за уголовные преступления, убийства, похищения и пр., а за их политические убеждения. Вот и в Советском Союзе сидят некоторые враги режима. Врагов же нужно сажать! Невольно помогают им те правозащитники, которые защищают десяток-другой своих политических друзей и не подчеркивают, что в СССР существуют концлагеря с миллионами заключенных. Не предается гласности тот факт, что в СССР и по сей день существует смертная казнь и каждый год бывают официально расстреляны несколько сот человек. На Западе на советскую пропаганду попадают самые наивные или критически относящиеся к своей стране люди, в большинстве молодежь. Опытные люди ей противостоят.

Такая пропаганда называется серой пропа-

гандой. Подтасовка фактов, полуправда, замалчивание фактов, очковтирательство, пропаганда социализма и "борьба за мир" — главное направление советской пропаганды, и оно действует на наивных.

В нашем мире ведется огромная война, война на идеологическом фронте. Хотя нас, политических эмигрантов, мало, мы подвергаемся нападкам с разных сторон. Финансовых средств у нас почти нет, но тем не менее российская политическая эмиграция противостоит огромному натиску вот уже 65 лет. Наша задача — не только активно участвовать в жизни Зарубежья, но и говорить местному населению правду о СССР. Западный обыватель, если и не становится марксистом, коммунистом, имеет часто превратное представление о Советском Союзе. Он совершенно незнаком с историей России и попадает на пропаганду левых кругов. Левые же западные круги всегда имеют помощь от СССР, если дело идет о "борьбе за мир", борьбе против атомного оружия на Западе и борьбе против атомной энергии, тоже на Западе. На Западе пользуются большой популярностью некоторые "освободительные" движения, финансируемые КГБ. Нужно посмотреть на карту мира и убедиться, сколько стран за последние 20 лет подпали под влияние Советского Союза. Советская пропаганда сразу же после смерти Сталина очень хитро ринулась на "третий мир", организовав в Москве университет им. Лумумбы, в котором, получая большие стипендии, учатся студенты из малоразвитых стран. КГБ уделяет этому вопросу большое внимание, поэтому сегодня после Кубы, Анголы, Эфиопии и других стран ведется наступление перед окнами США: в Никарагуа, Сальвадоре и пр.

Одной из задач "дипломатов" является поддержка антизападных течений, финансирование террористов, "борцов за мир", "зеленых" и пр. Так, недавно в Дании был пойман с поличным советский "дипломат", передававший большую сумму денег датскому "пацифисту". Дипломата выдворили из страны. Интересно отметить, что недавно вышедшая в свет книга В. Буковского "Пацифисты против мира", хотя и была переведена на немецкий язык, но широко не распространена. В большинстве "прогрессивных" книжных магазинов ее нет. Мы проделали такой эксперимент: позвонили в шесть книжных магазинов, желая приобрести книгу Буковского. Книгопродавцы о нем ничего не слышали, ни в одном магазине книги не оказалось. Когда мы объяснили, что В. Буковский — тот самый русский диссидент, который был обменен на Луиса Корвалана, то только один магазин из шести обещал заказать для нас эту хорошую книгу. Остальные Буковского обругали.

Советские органы считаются с западным мнением. Прежде эмигранты устраивали вы-

ставки фотографий советской действительности, нищеты колхозов, фотографии из лагерей и пр. На такие выставки делались налеты, налетчики пытались уничтожить экспонаты. Иногда выставку охраняла полиция. После этого сыпались ноты протеста со стороны советского правительства. В наше время трудно даже устроить такую выставку.

Хорошо известно, что советская агентура работает на Западе по разложению общества. Все, что ведет к этому разложению, всячески распространяется и пропагандируется: разврат, наркотики и пр. Ясно, что нельзя все отрицательное, что есть в свободном обществе, свети к работе КГБ внутри этого общества, но нет сомнения, что если бы не существовали могущественные коммунистические государства, все эти отрицательные явления были бы, но далеко не в таком размере.

Туризм с Запада в коммунистические страны поощряется и тоже используется. Иностранные туристы находятся на попечении специально подготовленных служащих, которые их напичкивают пропагандой. Нередко бывают случаи, когда стараются скомпрометировать иностранного туриста, шантажировать его и завербовать на свою службу. Для этой цели на КГБ работает большое число людей, с которыми иностранному туристу приходится сталкиваться. Есть большое количество молодых женщин, которые имеют разрешение или задание от КГБ иметь связь с иностранцами. Иногда допускается и брак. В Западной Германии есть немало немцев, женившихся на хороших советских гражданках. Как правило, они оставляют себе советское гражданство, получая вид на жительство постоянно проживающих советских граждан за границей. Не нужно и упоминать, что эти женщины имеют родителей или других родственников дома как заложников. Если бывает нужно, то КГБ требует от них сотрудничества.

Со дня своего основания Чека-КГБ является не только разведывательным, но и карательным органом. Главной задачей органов был с самого начала террор.

Из немецкого органа печати "Вендепункт"* мы приводим следующую таблицу:

Уничтожение народов в тени мирного сосуществования:	
Жертвы коммунизма в СССР (1917—1959 гг.)	66700000
Жертвы в СССР (1959—1978 гг.)	3000000
Жертвы коммунизма в Китае	63784000
Массовое убийство в Катые	10000
Убитые немцы при эвакуации 1945—1946 гг.	2923700
Жертвы в Камбодже от апреля 1975-го до апреля 1978 г.	2500000

* "Wendepunkt", Blätter der christlich-sozialen Union, Nordschwabing/Alte Heide, Juni 1983.

Жертвы в Праге, Будапеште, Вост. Берлине и в Балтийских странах 500000
 Коммунистическая агрессия в Греции, Вьетнаме, Корее, Бирме, на Кубе, Филлипинах, Малайском полуострове, в Африке и в Латинской Америке 3500000
 Итого: 142917700

Нам кажется, что эта ужасная цифра — 143 миллиона жертв коммунизма — говорит сама за себя, хотя это еще не полная сумма: нет, например, ни слова о миллионе жертв, зверски уничтоженных Тито в Югославии, но основная “работа” карательных органов ясно видна.

Многих своих противников КГБ убивало и убивает и за границей. Можно привести много случаев, когда были убиты русские эмигранты и эмигранты из других коммунистических стран. В Западной Германии одно время было убито особенно много сербов и хорватов, эмигрантов из коммунистической Югославии. В связи с покушением на папу римского Иоанна Павла II турецкий террорист Агча признался, что был связан с болгарскими органами госбезопасности. В Италии было арестовано не-

сколько болгар, участвовавших в покушении.

О том, что на Западе действует советская агентура в разных ампулах, — всем известно. Западногерманские специалисты по этим вопросам считают, что в одной Западной Германии действуют 100000 коммунистических агентов и шпионов.

Вспоминается советский анекдот: что такое риск? Риск по-американски: десять парней выпивают десять бутылок виски, садятся в машины и мчатся на полной скорости к пропасти, зная наверняка, что у одной из машин не работают тормоза. Риск по-советски: десять парней выпивают десять бутылок водки и рассказывают политические анекдоты, зная наверняка, что один из них стукач.

Если этот анекдот применить к новейшей эмиграции и считать, что каждый десятый — агент, получилась бы внушительная цифра. Мы не думаем, что агентов так много, но какое-то число имеется. К. Хенкин, который сам когда-то учился в разведшколе, считает, что самый факт такой массы эмигрантов на Запад выгоден для Советского Союза. Будущее покажет, прав ли он в этом. Будущее покажет также, какое направление развития примет новейшая эмиграция.

А. ФЕДОСЕЕВ

ДАВАЙТЕ ПОДВЕДЕМ ИТОГИ

Идея социализма есть идея совершенного, вполне согласованного общества. Общества, которое гармонично управляется в соответствии с универсальными правилами равенства, братства, справедливости и свободы. Общества, которое, благодаря очень высокой, целесообразной и мудрой организации, чрезвычайно продуктивно и обеспечивает для каждого материальное и духовное процветание.

Это именно тот социализм, о котором вы, читатель, думаете. Не правда ли? Вы ведь от такого общества не откажетесь? Не так ли?

Как построить такое общество? К сожалению, понятия равенства, братства, справедливости и свободы чрезвычайно индивидуальны. Их ровно столько, сколько людей на свете. Человек хочет побольше зарплаты и полегче работу и считает свое желание справедливым. Однако если его производительность низка, то его желание приводит к инфляции, к безработице (разорение предприятий из-за его требований), к понижению уровня жизни всех. А это уже есть явная несправедливость для других. Для покупателя справедливая цена — одна, а для продавца — другая. И т. д. и т. п.

Как абстракции эти понятия каждый легко объяснит. Однако в их приложении к конкретному случаю согласия не будет. Солидный, пожилой и уважаемый человек утащил вещь

из магазина, не уплатив. Брат он вам или нет? Свободен ли он в перераспределении воровством общественного продукта? В чем справедливость или несправедливость его поступка?

У каждого из нас не только свои собственные представления о равенстве, братстве, справедливости и свободе, но и вообще свой собственный способ жизни. Можно побиться об заклад, что не найдется и одного чужого способа жизни, который бы вы лично полностью, во всех деталях, согласились бы принять для себя.

Конечно, вы есть индивидуум. Мы все — индивидуумы. А социализм это единая организация, единый способ жизни, по единым (не вашим) правилам равенства, братства, справедливости и свободы. Да и что такое совершенная, целесообразная организация? Это что-то вроде совершенного кристалла. Скажем, алмаза. Приятно на него смотреть. А каково участникам совершенной организации? Их общественное положение, их общественные обязанности, их жизнь подчиняются точным и неизбежным правилам. И это есть высшая ступень рабства. Полное отсутствие свободы — смерть. Спрашивается, почему так много людей к этому стремятся, включая, может быть, вас, читатель?

Так или иначе, уже к концу 19 века было

совершенно ясно, что привести всех людей к одному знаменателю убеждением невозможно. Для построения социализма нужна сила, и необыкновенно большая. Позднее, вероятно, Лениным было точно установлено, что построение социализма с его согласованной гармонией требует, прежде всего, полного единства руководства обществом, вплоть до создания Единственного Величайшего вождя.

Кто в таком случае (принуждения) будет строить социализм? Одного руководства мало. Для этого послужат миллионы и миллионы людей, которые хотят перемен, верят обещаниям вождей и не обладают достаточной мозговой силой для независимых мыслей и действий, а также не обладают достаточными знаниями и опытом, чтобы разобратся в идее социализма. Времена войн, великих экономических нестабильностей и потрясений создают таких людей в неисчислимых множествах. Именно они и будут инструментом и силой для строительства социализма. Именно они и будут мучить и убивать, в первую очередь, цвет общества по приказу Сталина, Мао, Пол Пота, Ким Ир Сена, Тито, Хо Ши Мина и т.д. и т.д.

Мугабе в Зимбабве (Родезия), например, тоже строит социализм. Он находится сейчас в процессе создания единого руководства страной и превращения себя в Единственного Величайшего вождя. Его действия в точности следуют хорошо известному рецепту Сталина, который выполнил ту же задачу более полувека тому назад. ("Несчастный" Нкомо представляет собой "несчастливого" Бухарина.)

Хомейни в Иране значительно опередил Мугабе в той же задаче. Хомейни (следуя своей социалистической программе национализации и коллективизации), конечно, имеет в своих руках дополнительный инструмент огромной мощности: аппарат религии Ислама. (Аппарат, так как действия Хомейни не имеют ничего общего с религией.) Такой способ для построения социализма применяется Хомейни впервые в истории. Он великий изобретатель.

Создание единства руководства и создание Единственного Величайшего вождя требует ликвидации не только врагов социализма, но и слишком "высовывающихся" или только возможных конкурентов и соперников. Такие действия строителей социализма приводят посторонних наблюдателей в полное замешательство и ужас. Они не понимают, почему нужно уничтожить не только врагов, но и помощников, и союзников. Эти наблюдатели даже придумали выражение: "Мать-революция пожирает своих детей". Они не могут понять, что это необходимо для создания того полного единства и единовластия, без которого социализм не есть социализм. Если понять, что социализм означает, в конечном итоге, единство воли и действия, то ясно будет, что чем больше будет истреблено независимо мыслящих и неза-

висимо действующих людей, тем лучше для построения социализма. Будет совершенно ясно, почему "на щит" был поднят бездарный Лысенко, а талантливый и настоящий ученый Н. Вавилов был Сталиным уничтожен.

Этому рецепту строительства социализма неизменно следуют разные страны, с разным населением, с разными традициями, с разным внешним обликом: Россия, Восточная Европа, Китай, Вьетнам, Северная Корея, Куба, Камбоджа, Лаос, Зимбабве, Иран и т.д.

Создание социализма в России сожрало 67 миллионов людей, в Китае 122 миллиона, а в Камбодже — почти половину населения. Для других стран число жертв еще неизвестно, но, безусловно, оно того же масштаба.

После завершения строительства социализма, т.е. после создания полного подчинения (конформизма) всей страны Единственному Величайшему и его команде, террор и грубая сила в массовых масштабах становятся ненужными. Все, кто проявлял или самостоятельность, или дух сопротивления, уже уничтожены. Для поддержания конформизма достаточно уже не миллионов, а, скажем, тысяч жертв. Этим объясняется значительно меньшая кровавость следующего Единственного Величайшего вождя. (Так называемая "ликвидация сталинизма" тут ни при чем. Этот термин есть результат непонимания развития социализма.) Конечно, Мао учил, что "культурная революция" должна периодически повторяться: конформизм населения постепенно разваливается, и его необходимо периодически укреплять порцией массового террора. Сталин об этом не говорил, но делал.

Строительство социализма, естественно, не способствует расцвету экономики. Завершение строительства социализма характеризуется значительной хозяйственной разрухой. Конечно, не такой, какая была во время гражданской войны, но и далеко не таким расцветом народного хозяйства, как было обещано. Первый Единственный Величайший и его команда — специалисты по строительству социализма, т.е. по применению террора и грубой силы. Они совершенно неспособны решать задачи экономики, хотя и пытаются. Только смерть первого Единственного Величайшего выводит на сцену другие силы и нового Единственного Величайшего, более ориентированных на решение экономических задач социализма (Хрущев, Дэн Сяо Пин).

Централизованное планирование

Давайте рассмотрим экономическую задачу социализма. Прежде всего, вы должны знать и помнить: никакой террор и грубая сила не могут построить единовластие социализма без ликвидации частной собственности и без ликвидации свободной торговли. Частная собственность и свободная торговля являются оп-

лотом независимости граждан. Без ликвидации этого оплота даже само массовое применение террора и насилия невозможно: не будет достаточно средств и будет слишком велико противодействие. Поэтому первый шаг на пути к социализму всегда и везде есть национализация частной собственности и ликвидация свободной торговли. Без этого построить социализм невозможно. Миттеран, например, это тоже знает.

Обобществление народного хозяйства немедленно создает проблему управления им. До этого хозяйство управлялось само собой, автоматически, через частную собственность и свободную конкурентную торговлю. Однако единство управления и порядок социализма не могут быть осуществлены управлением через свободную торговлю. Свободная торговля это "хаос", а не порядок.

Единственным другим способом управления является полное планирование всей страны, т.е. централизованное планирование. Только централизованное планирование даст возможность разумно предписать и поддержать все необходимые экономические балансы в масштабе всей страны, чтобы не допустить инфляции, безработицы и других несчастий.

Однако абсолютно полное планирование (всего и вся) невозможно из-за ограниченности человеческого разума. Поэтому централизованное планирование основывается на "ключевых" факторах: цены, число работников на любом предприятии и по стране, сумма зарплат (фонд зарплат) каждого предприятия и по стране, распределение ресурсов и т. п.

В частности, любой директор любого предприятия должен быть строго наказан за перерасход фонда зарплат или превышение заданной численности работников. Эти элементы прямо определяют наиболее важный экономический баланс страны, баланс совокупности зарплат и совокупности цен. Эти элементы должны поддерживаться заданными любыми доступными средствами. Поддерживать этот баланс чрезвычайно трудно, и свидетелем его нарушения является инфляция.

Эта необходимая для социалистической страны практика управления экономикой приводит к очень серьезным и принципиальным недостаткам. Директор не может заплатить существенно больше работнику, который произвел существенно больше продукции, чем предсказано планом: чтобы заплатить, нужно отнять у другого. Перевыполнение плана возможно только на бумаге. Для перевыполнения нужны дополнительные материалы, энергия, транспорт, а все уже распределено планом и ничего лишнего нет. Поэтому при проявлении трудового энтузиазма нельзя рассчитывать ни на оплату, ни на обеспечение материалом, если они не были предусмотрены планом.

Положим, однако, что директор решил

взять на себя, скажем, двойной план. Он не может этого сделать сам по себе. Для двойной продукции понадобится двойное обеспечение со стороны поставщиков. А для поставщиков — их поставщиков и т. д. Таким образом энтузиазм одного директора потребует проявления энтузиазма у всех участников централизованного плана, а их миллионы.

Таким образом централизованное планирование ведет к полной потере индивидуального стимулирования и к полной невозможности использовать творческие таланты и добрые намерения любых работников. Поэтому централизованное планирование есть мощная причина падения производительности труда и, следовательно, падения уровня жизни при социализме. Однако именно в этом суть идеи: социализм с помощью разумного планирования и совершенной единой организации должен был привести к высочайшей производительности труда и, следовательно, к всеобщему материальному и духовному процветанию. Идея социализма оказалась несостоятельной.

Однако возвратиться к свободной торговле как вполне доброкачественному регулятору хозяйства, невозможно. Даже только существующая примесь свободной торговли уже приводит к потере управления народным хозяйством со стороны советской власти. Ликвидировать же единое управление народным хозяйством значит ликвидировать социализм. При свободной торговле многие государственные предприятия разорятся. Субсидировать? За чей счет? Закрывать? Безработица. Баланс цен и зарплат будет нарушен и создаст инфляцию.

В СССР было проведено и проводится огромное число экспериментов по улучшению ситуации, но без успеха. Остановить падение производительности труда и, тем более, поднять ее никак не удастся. Социализм этого не позволяет при всех ухищрениях, которым нет числа, и не может позволить.

Опыт социализма (реального, а не воображаемого) показал очень ясно, что только частная собственность и свободная конкурентная торговля могут создавать материальное и духовное процветание общества. Даже современный западный монополизм — и тот уже давно начал терять к этому способность, так как в нем постепенно исчезают и частная собственность, и свободная конкурентная торговля. Государственное и корпоративное "регулирование" и на Западе уже не приводят к добру, как не приводят они к добру и в странах социализма.

Потеря социального равновесия при социализме

Социализм ликвидировал капиталистов. Тем самым он должен был принять на себя их функции. Социалистическое государство стало монопольным хозяином, монопольным тор-

говцем, монопольным банкиром. Автоматически социалистическое государство восприняло на себя и их интересы: платить поменьше, требовать работы побольше и получше, запрещать забастовки и профсоюзы, продавать подороже и похуже, давать меньшие проценты на вклады и брать большие проценты на долги. Естественно, что все население, которое раньше было бы в сильной оппозиции к капиталистам, оказалось в еще более сильной оппозиции к социалистическому государству. Даже работники государственного аппарата, и те стараются драть с государства все, что можно, для себя, и находятся в этом смысле в одном лагере с трудящимися. Конечно, их обязанности и интересы собственной власти заставляют их защищать интересы государства. (Нужно сказать, что обе эти тенденции в среде аппаратчиков превосходно уживаются.)

В обществе частной собственности и свободной конкурентной торговли это "классовое" противоречие было расщеплено между миллионами предпринимателей-капиталистов и миллионами "трудящихся" и безболезненно ликвидировалось в миллионах взаимопользных компромиссов продуктивным образом, создавая рост производительности труда и уровня жизни. Это противоречие и не фокусировалось на государстве, которое раньше вообще в это дело существенно не вмешивалось.

Легко сообразить, что интересы социалистического государства являются прогрессивными, т. е. могли бы вести к процветанию страны. Уступить же интересам трудящихся, значит привести страну к полному банкротству и к разрушению социализма. Если раньше для строительства социализма нужна была огромная сила принуждения, то сейчас нужна для преодоления "классового" противоречия еще более мощная, но другого сорта сила, которой социализм не обладает: сила личного интереса. После смерти Сталина и окончания строительства социализма Хрущев уже предвкушал успехи разумного планирования и наивысшей в мире организации. Именно поэтому он и предсказал, что через 20 лет страна придет к высшей стадии социализма — коммунизму — с колоссальной производительностью труда, обеспечивающей всем все без необходимости тяжелого и длительного труда. Это предсказание, несомненно, было актом веры в могущество построенного социализма.

Надежды Хрущева и надежды населения были очень быстро обмануты. Примерно к середине шестидесятых годов все в СССР потеряли и остатки социалистического энтузиазма и всякую веру в какие-либо перспективы социализма в улучшении жизни. Следует обратить особое внимание на этот период. До него принципиальные дефекты социализма и его "классового" противоречия в значительной степени компенсировались, частично энтузиазмом, а

частично — остатками веры в социализм. После этого и дефекты, и "классовое" противоречие проявились с огромной силой. Трудящиеся, не получая ожидаемых результатов от своего труда, начали то, что нельзя иначе назвать, как неорганизованный, но массовый саботаж. Трудящиеся стали бездельничать, гнать брак, делать частную работу на своем рабочем месте в рабочее время, вообще использовать рабочее время для личных нужд, создали черный рынок и подпольную экономику и т. д. и т. п. Вся огромная машина социалистического принуждения оказалась бессильной заставить 140 миллионов трудящихся добросовестно работать. Социализм начал гнить.

Существенно, что принципиальные недостатки, присущие планированию, и сила "классового" противоречия не оставляли никого в стране социализма изолированным. Сам аппарат управления страной, его воля, его мораль тоже находятся под воздействием этих факторов. В особенности его нижние слои. Процесс гниения стал постепенно распространяться на все слои общества. Никакой Андропов это изменить не в состоянии (если, конечно, не разбить социализм по частям).

Социализм, милитаризм и всеобщий мир

К середине шестидесятых годов, естественно, Единственный Величайший и его команда поняли тоже, что от социализма высокой производительности труда и процветания страны ожидать нельзя. Вспомнили "толстые" намеки основоположников, что система социализма есть ближайшая родственница системе армии (смотрите "Коммунистический манифест"), т. е. очень подходит для целей завоевания мира. Ощувив это, "Партия и Правительство" в кратчайший срок превратили страну в тотальную машину войны, террора, саботажа и разрушительной пропаганды, ориентированной полностью на завоевание мира.

Нужды населения были доведены до самого минимума. Даже этот минимум стал обеспечиваться сателлитами (промтовары в обмен на нефть, газ, энергию и оружие) и Западом. Источником валюты для этого явилось хищническое разбазаривание природных ресурсов и торговля (или товарообмен) оружием с Третьим Миром.

Централизация, планирование и единовластие очень хороши, чтобы прятать что угодно от населения и внешнего мира. Было нетрудно спрятать и тотальность завоевательной машины СССР и то, что 75—85% всего народного продукта служат целям завоеваний.

Нищета населения позволила в ключевых военных производствах платить на 50—100% больше зарплату, сохраняя ее, однако, достаточно низкой. Дисциплина и качество продукции (военной) на таких предприятиях доста-

точно пока велики. Качество еще подкрепляется строгими и повторными проверками со стороны специальных военных представителей (военпредов, но обычно в штатском платье).

В результате полной неспособности социализма организовать творческий труд населения и с ним народное процветание получилось так: вложишь миллиард рублей в военную машину — получишь очень дорогой, но хороший авианосец, а вложишь тот же миллиард рублей в гражданское хозяйство — и результата не видно. Поэтому совершенно безнадежно ожидать, что бедствия населения заставят управителей перековать мечи на орала. Единственный Величайший и его команда знают, что тогда не будет ни мечей, ни орал... Выбора нет. Как государство Чингисхана жило завоеваниями, так приходится жить и социализму. Впрочем, с принципиальной разницей: завоевания Чингисхана служили благу его страны и населения. Завоевания же социализма служат распространению социализма на весь мир, а не благу страны и населения.

Иностранная политика нормальных государств тысячи лет преследовала интересы страны и ее населения. Англия, например, вполне целесообразно устроила кровавую войну, когда Китай стал нарушать интересы английских подданных. Дипломаты же всегда учились защищать интересы своей страны и ее населения. Социализм радикально все это изменил. Иностранная политика социалистических стран полностью извращена и преследует совершенно другие цели.

1. Укрепление власти социализма, что означает укрепление власти, авторитета и славы Единственного Величайшего и его команды.

2. Создание и распространение экономической, политической и социальной нестабильности в капиталистическом мире. Употребление для этой цели военного шантажа, саботажа, диверсий, террора, разрушительной пропаганды и т. п. Использование всего этого для распространения социализма по всему миру.

3. Преодоление ссор и разногласий между социалистическими странами, имея в виду конечную цель: торжество социализма в мировом масштабе и создание Единственного Величайшего вождя мирового человечества. Использование для этой цели своих единомышленников в капиталистическом мире — “благодетелей” (смотрите №147 “Нового Журнала”).

4. Одурачивание вождей и населения капиталистического мира устройством помпезных договоров, немедленно нарушаемых без всякого риска попасться. Централизм и единовластие социализма дают для этого исключительные возможности. Капиталистические дипломаты (по своей исключительной некомпетентности в социализме и тщеславию) этому обману помогают, рекламируя “устроенные

ими” договоры, как чрезвычайное достижение, свидетельствующее об их исключительных способностях. Такое извращение социалистическими странами иностранной политики до сознания капиталистических дипломатов (и, тем более, населения) не доходит: они “этого не проходили”.

Если вы проанализируете современную мировую ситуацию, то вывод будет простой: единственной угрозой миру является социализм. Не Россия, не Китай, а именно социализм, где бы он ни существовал.

Люди тысячи лет воевали за захват больших территорий, так как производительность труда была мала и малая территория и население не кормили и вели к опасности стране быть завоеванной. Огромный рост производительности труда развитых стран и развитие международной торговли привели к тому, что нужда в завоеваниях исчезла и опасность даже для маленьких стран (Бельгия, Голландия, Дания, Люксембург и т. п.) практически тоже исчезла. Социализм же понизил производительность труда в любой стране, где он существует, и вновь воссоздал ситуацию войны и завоевания. Причем такого завоевания, которое эквивалентно обращению в рабство.

В связи с этим надежды Запада на мирное сосуществование представляют собой крайне опасную иллюзию. Никакой политикой привести социализм в мирное состояние абсолютно невозможно.

Во имя всеобщего мира и благополучия мировой социализм должен быть ликвидирован насильственно любыми способами. “Любыми способами” потому, что социализм создает много больше жертв и страданий, чем даже войны (СССР уничтожил сам 67 миллионов, а во второй мировой войне потерял “только” 40 миллионов. Да и эти 40 миллионов, вероятно, не были бы потерянны, если бы не социализм в Германии и в СССР.).

Слабейшее звено в цепи социализма — Куба. Если ликвидировать социализм на Кубе, а затем помочь “Солидарности” ликвидировать его в Польше, сила главного социалистического агрессора СССР резко уменьшится. Это поможет российским народам легче сбросить с себя ярмо социалистического рабства. Конечно, это ярмо в любом случае будет сброшено, но лучше раньше, чем позже.

Опыт социализма показал, что наивысшая возможная организация общества, централизованное планирование и единовластие принципиально не могут дать высокой производительности труда, на которой можно было бы построить общее материальное и духовное процветание.

В этом, конечно, не виноваты ни Ленин, ни Сталин, ни Мао, ни Брежнев и другие. (Их огромная вина в том, что они истребляли людей во имя совершенно ложной идеи.) Это

есть свойство реального (не воображаемого) социализма. Можно даже удивляться, что социализм хоть как-то действует. Представьте себе, например, что произошло бы, скажем, с "Дженерал моторс", если бы у нее было, как у Сталина или Андропова, 140 миллионов работников, да еще с детьми, стариками, сумасшедшими, инвалидами, с родильными домами, детскими садами и т. д. Какой бы был изумительный хаос, неразбериха и полный экономический провал. Много хуже, чем у Брежнева.

Наивысшая производительность труда и процветание требуют не единого социалистического (или корпоративного) управления, а

именно "хаоса" миллионов свободных творческих актов, координированных самим населением через частную собственность и свободную конкурентную торговлю. Без этого "хаоса" созидательный творческий потенциал любой страны не может быть реализован.

Социализм есть аномалия. В этом его временная сила (завоевания), и в этом его неизменная слабость (духовная и материальная нищета). Именно эта аномальность приведет, рано или поздно, к бесславной гибели социализма. Во избежание новых многомиллионных жертв и бессмысленных страданий, нужно эту гибель любыми средствами ускорить.

Печатается в порядке дискуссии

Николай ВОЕЙКОВ

НА ИМПЕРСКИХ ПУТЯХ РОССИИ*

В истории человечества мало примеров колонизаций, подобных той, которая проводилась Российской Империей. Начиная с древнейших наций и кончая современными нам государствами, мы видим систематическое проведение политики насилия стран-завоевательниц. Римская империя, простиравшаяся до пределов тогдашнего мира, покорила сотни народов и ввела среди них свои законы, вовсе не считаясь с их традициями и культурой. Проходили века, легионы сменялись легионами на границах империи, росли в завоеванных странах новые поколения, однако же далеко не всякий становился римским гражданином.

Рим кичился своей культурой, своим несравненным титулом Града Вселенной ("Урбс"), созданным благодаря гению своих законодателей, и примерной военно-административной организацией со времен Цезаря. Вместе с тем не следует забывать насилий и унижений, выпавших на долю народов, присоединенных к империи ("Горе побежденным!").

Вспомним вереницы вождей и государей, влачимах колесницей победителя, триумфально возвращавшегося в столицу после войны. Без этих унижений триумф считался неполным, живые трофеи должны были следовать за консулами и преторами, горделиво шествовавшими к Капитолию. Вспомним также издевательства над пленными, которых бросали на арену Колизея для потехи толпы, жаждавшей крови гладиаторов.

Под нажимом азиатских полчищ империя времен упадка, изнеженная и развращенная, тень прежнего величия, вскоре распалась на части, из которых образовались новые государства. Шли века, Европа покрывалась, как

шахматная доска, странами, формально составлявшими так называемую "Священную Римскую Империю", и феодальный период ознаменован непрерывными междоусобицами и вероломством.

С XV века начинается эра мореплавателей, отважных пионеров, расширивших границы древнего мира. Когда Испания и Португалия завоевали, благодаря своим морякам, богатые земли в Новом Свете, папа Александр VI Борджиа поделил своей властью их заокеанские владения.

Итак, "конкистадоры" христианнейших королев Европы проникли туда как представители цивилизации вместе с проповедью среди язычников Христова учения. Увы! Большинство из них оказались христианами только по имени. Доверчиво принятые туземцами, они не замедлили выказывать себя алчными и жестокими авантюристами. Действуя сперва подкупом и обманом, а затем грубой силой, они стали грабить те сокровища, ради которых и были снаряжены их корабли королями и принцами. Наживы ради конкистадоры разрушили бесценные памятники древнейших цивилизаций, разрубили на куски и обезобразили шедевры искусства и утварь храмов инков, ацтеков и др., роскошные дворцы и здания превращены были в груды развалин. Зато один за другим отправлялись в Европу корабли, до борта нагруженные драгоценностями и золотом, надолго обеспечившие экономическое благополучие Испании и Португалии, как в средние века грабежи крестовых походов обогатили Венецию, Геную и прочие государства.

В итоге принудительной колонизации Нового Света, после Французской революции на месте колоний возник ряд республик, основанных на пресловутых принципах: "Свобода, Равенство, Братство".

* 27 марта 1981 года исполнилось 400-летие присоединения Сибири к России.

Лишенные золота и даровых рабов, Испания и Португалия стали чахнуть, и заморская торговля скоро перешла в руки Голландии и, наконец, Англии.

XIX век, кроме технического прогресса, способствовавшего росту промышленности, ознаменован был небывалым ростом Великобритании. Благодаря превосходству своего флота, Англия на протяжении XVII—XIX вв. вытеснила своих соперников из заморских стран: Голландию из Нью-Амстердама, ставшего Нью-Йорком, Францию из Канады, Испанию из Карибов и т. д. Краснокожих индейцев Северной Америки вскоре постигает та же участь, что и южноамериканских туземцев, и целые племена вырезаются беспощадно во имя цивилизации. Таким образом Северная Америка становится достоянием англосаксов, а учрежденные ими плантации наполняются черными рабами, насильно привозимыми из Африки жестокими негроторговцами. Вместе с женами и детьми негров продавали публично с торгов. Лишенные всех прав человека, черные надолго превратились в двуногий скот. Так возник в США “негритянский вопрос”, породивший в XX веке столько кровавых столкновений и междоусобиц, вызванных так называемой “сегрегацией”. Наглядно описана эксплуатация этих париев в “Хижине дяди Тома” Бичер-Стоу (1850 г.).

Одним из главных строителей могущественной Британской Империи, овладевшей богатейшей Индией, был Дизраэли (лорд Биконсфильд). Силой оружия, дипломатией и подкупом Англия времен королевы Виктории превратилась в сильную державу, владельницу богатых колоний во всех частях света, а “путь в Индию” был стратегически гарантирован рядом укрепленных постов. Как и в арабских странах, английская политика в отношении Индии преимущественно направлена была на поощрение раздоров и расово-религиозных распрей среди покоренных народов. Языческий принцип Рима “разделяй и властвуй” получил тут свое наглядное применение.

Вывозя из Индии несметные богатства, англичане нарочно оставляли население на низком культурном и экономическом уровне. Сами же хозяева держались от туземцев в горделивом отдалении, живя особняком в привилегированных условиях, презирая древние традиции и религиозные верования. Крупно оплачиваемые королевские чиновники ввели свои законы, рассчитанные не на улучшение быта населения, а на лучшие способы извлекать из него максимальную выгоду.

Всякие восстания и недовольства жестоко карались. Невероятно, что в нашу цивилизованную эпоху, каких-нибудь сто лет назад, могла произойти ужасная казнь сипаев, привязанных к жерлам пушек! Семьи же бунтарей беспощадно отправлялись в жутких условиях на

английские острова, например, Тринидад, где несчастные ссыльные владели жалкое существование рабов на английских плантациях. Несколько позже, в самом начале XX века, не лучше обошлась Англия с побежденными бурами Южной Африки: для них были изобретены “концлагеря” принудительного труда, система, столь усовершенствованная позже советами и нацистами Гитлера...*

Однако вернемся к XIX веку — апогею Британской империи. Лицемерие ее колониальной политики выявилось, когда под нажимом возмущенной общественности и некоторых протестантских деятелей в 1833 году пришлось официально запретить работорговлю. Плантаторам ее английских колоний, ярим противникам этой реформы, полагалось возмещение в размере 20 миллионов фунтов; однако производство сахара упало на одну треть, а кофе — наполовину. Вместе с тем невольничество продолжалось, как и в Индии, покоренной в 1652 году.

Когда в 1861 году Северные Штаты Америки начали войну против южных конфедератов — эксплуататоров рабов, Англия и Франция признали Южные Штаты как государство, руководствуясь исключительно выгодой. Действительно, прекращение ввоза сырья, особенно хлопка, приносило колоссальные убытки английской текстильной промышленности. Кроме того, начавшаяся в Северных Штатах кампания против рабства грозила Лондону беспорядками, особенно в богатой Индии. Позиция, занятая Англией, явилась прямой угрозой для будущих США, и каждую минуту могла разразиться война. Под видом торговых судов английский премьер Пальмерстон снаряжал военные, которые направлял в Южные Штаты. Эти суда наносили большие потери Северу, в частности, корабль “Алабама”, и в конце войны Англия должна была выплатить США крупную сумму за причиненные убытки.

В январе 1863 года президент Линкольн обнародовал закон об упразднении рабства во всех штатах. Тогда император Александр II, в феврале 1861 года освободивший крестьян, отправил в Америку дружественное обращение, подчеркивающее общность русских и американских стремлений, и вскоре доказал это на деле.

В сентябре 1863 года была снаряжена так называемая американская экспедиция русского флота. Боевая эскадра из 12 кораблей под командой адмирала Лесовского в строжайшей тайне была направлена из Кронштадта в Нью-Йорк и из Владивостока в Сан-Франциско. После благополучного прибытия в США русские

* Нам представляется эта картина односторонней и слишком мрачной. Освобождение колоний показало, что англичане, в противоположность, например, бельгийцам или голландцам, создали кадры местной интеллигенции. — *Прим. ред.*

моряки были повсюду встречены с энтузиазмом и благодарностью.

Событие это потрясло Европу и ошеломило Англию, которая отказалась от выступления против Северных Штатов, что обеспечило их победу над южными рабовладельцами. Эскадра наша пробыла в Америке до июля 1864 г., и, в знак благодарности, из Вашингтона была отправлена депутация в Россию к Александру II. Помощь Российской Империи способствовала укреплению американского государства, содействовала уничтожению рабства, а престиж России возвеличился в глазах всего мира.

С тех пор, как вместо православной империи с 1918 года утвердилась безбожная, интернациональная власть советов, ведется повсюду лживая кампания против национальной России. Кампания эта всецело созвучна советской многолетней линии клеветы и лжи о нашем прошлом. Подлые захваты СССР прибалтийских государств, Балкан, Афганистана, коммунистический произвол в разных африканских и азиатских странах — все это теперь принято приписывать коренному "русскому империализму". Некоторые западные историки даже отождествляют Петра Великого со Сталиным и т.д. Воспевая марксизм, современная западная интеллигенция, способствуя разложению семьи и общества, облегчает советам постепенное завоевание бывших колоний, превратившихся в ряд независимых республик, усердно обрабатываемых СССР и его "сателлитами" типа Кастро.

* * *

Совершенно иными путями слагалась веками Российская Империя, Святая Русь. Менделеев писал о ней следующее: "Страна-то ведь наша особая, стоящая между молотом Европы и наковальней Азии, должствующая так или иначе их помирить" (Д. Менделеев "К познанию России", 1906 год).

Унаследовав со времен блестящей Киевской эпохи стремление к проведению в жизнь Правды Божьей во всей ее полноте, народ наш не погиб, а возрос духовно после тяжкого татарского ига. Кстати, приняв на себя это иго, Россия оградила собой Западную Европу, чем дозволила свободный рост и культурный расцвет образовавшимся в ней нациям в течение 300 лет.

Своим возрождением после татар Русь обязана была прежде всего Церкви. Эта Церковь, сохранившая незапятнанным православное учение, полученное от Византии, вскоре заставила татар себя уважать, одновременно укрепляя на подвиг и духовно воспитывая подъяремное население. Совершенно исключительную роль сыграло в этом русское монашество.

Святой Сергей Радонежский и вся плеяда его учеников-игуменов покрыли Русь сетью монастырей. Скромные обитатели эти стали

культурно-просветительными, а затем и социальными центрами Руси в самых глухих и непроходимых инородческих краях. Расширяя и совершенствуя миссионерство Киево-Печерских подвижников, пионеров православия после крещения Руси, ученики Св. Сергия творили большое дело. Своими подвигами они привлекали не только русских поселенцев, ищущих близости очагов спасения, но и диких инородцев, пораженных кротостью, трудовой жизнью и бескорыстием иноков.

Так, в сравнительно небольшой срок русская культура в ее лучшем, духовном смысле проникла в дикие местности и леса границ Пермской земли, Заволжья, островов русского Севера, а на Ладоге уже находился Валаамский монастырь, основанный среди льдов Св. Сергием и Св. Германом.

При этих вначале только духовных центрах постепенно строились избы и поселки, возраставшие в города и крупные села. Как отмечает историк Ключевский, благодаря инокам Волжско-Двинский водораздел превратился в "Северную окраину Православного Востока". Заметим, что эта мирная колонизация происходила как бы самотеком, без малейших на то указаний церковных или гражданских властей.

Понемногу инородцы-язычники настолько сжились с радушными и смиренными монахами, что многие племена, оценив преимущество их уклада жизни, примыкали к ним. Другие, избегая изнурительных междоусобиц, стали искать покровительства русских князей и их защиты от произвола хищных кочевников.

Таким образом, к концу татарского ига уже в XV веке вокруг новой столицы Москвы мы видим скопление инородцев разных племен, приобщившихся к русской культуре и древним ее традициям. Дикое зыряне и пермяки познавали христианство посредством азбуки, составленной их представителем Св. Стефаном.

Первые известные нам проникновения русских в Сибирь относятся к XI веку. Смелые ушкуйники Великого Новгорода, ставшего уже в VIII веке выдающимся мировым торговым центром, явились там пионерами. Они завладели северо-восточной частью Сибири в поисках драгоценных шкур и мехов.

В Сибири жило множество монгольских народностей, преимущественно кочевников. Ведь предки вождя гуннов Аттилы ("бича Божьего", покорившего Европу в V веке) проживали вдоль Енисея; там же, от времен нашествия Чингисхана, находились и татары, образовавшие свое царство. К сибирским ханам приезжали с Запада послы короля Франции Людовика IX, а в XIII веке, возле Амура, хан Гаюк принимал путешествовавшего монаха-францисканца Плано Карпини, посланного на его избрание папой Иннокентием IV.

Во время татарского ига русские нередко ездили в Сибирь, между прочим, князья для переговоров с ханами. Попутно знакомились они с богатством этого края. Татарское господство над сибирскими народами началось только в XV веке, когда из грандиозной империи Чингисхана выделились вследствие внутренних раздоров ханства (царства) Казанское, Астраханское, Хивинское и Бухарское, орды Ногайские и Киргиз-Кайсацкие и др. (Золотая и Белая орда).

Мы знаем, что долгое время после освобождения от татарского ига Москва и соседние княжества часто подвергались нападениям монголов через безграничное "дикое поле"*. Сибирская орда называлась последовательно Тюменской, Ишимской и Шибановской. Шейбани был одним из сыновей хана Джучи и братом покорителя Руси — Батыя, властелина Средней Азии. Его потомки Шейбаниды обосновались в Ишимских и Иртышских степях и расширили свои владения на север и восток до Уральских гор и Оби. Один из Шейбанидов, хан Ивак, враждовал при Иване III с ханом Золотой Орды Ахметом, которого убил, а затем и сам был убит другим своим соперником.

Московское государство крепло по мере того, как татары постепенно слабели. Нередко к Московскому Великому Князю стали прибегать враждующие между собой монгольские князьки. В частности, Ногайская орда соглашалась платить дань Москве взамен союза против своих соперников. В конце XV века воеводы Ивана III завоевали земли Пермскую и Югорскую до самой Оби. Вследствие этого Великий князь прибавил к своему титулу княжество Югорское, а сын его, Василий III, княжество Обдожское и Кондийское; Иван IV уже назывался князем Сибирским. Тем временем соперниками Шейбанидов стали сторонники бека Тайбуги, отколовшегося от их орды. Его преемники не имели права на титул хана, а именовались только князьями, или беками (ханы выбирались только из потомков Чингисхана, каковыми были Шейбаниды). Отколовшись, новая орда Тайбуги отошла на север и на берегу Иртыша основала город Сибирь, или Искар, пониже впадения Тобола в Иртыш. Затем эти татары захватили земли соседей — остяков, вогулов и башкир, одновременно насаждая среди них ислам.

Жестокая борьба, завязавшаяся между Шейбанидами и преемниками Тайбуги, заставила их искать себе помощи не только среди единоверных орд или в ханстве Бухарском, но и в Великом Княжестве Московском.

Напомним, что в XVI веке Москва была еще настолько уязвима, не имея природных преград, как многие другие страны, что крымские

ханы могли безнаказанно нападать на столицу, грабить ее и жечь, в то время как на северо-западе Литва и Швеция разоряли целые области. Крымские ханы преследовали еще иные цели, нападая на Русь: уводить поселян в рабство для продажи своим покровителям — турецким султанам. По подсчету проф. Лиманского, с XV в. по XVIII в. число русских людей, уведенных в рабство, превзошло пять миллионов. В свою очередь, султаны выгодно продавали этих рабов западным торговцам Венеции и Генуи, о чем свидетельствуют наши царские послы, выдавшие этих несчастных, закованных в цепи, на французских и венецианских галерах.

Подобные хищничества татар в значительной мере пресек поход первого русского царя Ивана Грозного, завоевавшего татарские бастионы — Казань и Астрахань. Следует заметить, что окончательное замирение дикой степи и Крыма последовало лишь в конце XVIII века при Екатерине Великой.

Казалось бы, все эти набеги и разбои, угрожавшие юному Московскому царству, должны были ожесточить русских против татар и заставить требовать от них возмездия. Однако Иван IV отнесся к побежденным, недавно жестоким врагам, с поразительной гуманностью. Стоглавый Московский Собор 1551 года отрядил, по приказу царя, в Казань епископа Гурия с духовенством для проповеди среди татар. Гурию предписано было "никого не обращать насилем, всюду распространить образование и печись прежде всего о справедливом соблюдении законов, заступаясь за всех обиженных перед воеводами и областными правителями". И вот, в этот самый суровый XVI век, когда в Европе пылали костры инквизиции и бушевали религиозные войны, в "варварской Московии" ширилась и внутренне крепла Империя истинно христианскими методами. Эрнст Бенц пишет: "Пермякам, остякам, вогулам, татарам, якутам, тунгусам и всем 72 языческим народностям русские несли не меч, а свет православной религии и необычайное уважение к человеку — образу Божьему" ("Достоинства и права человеческой личности в жизни Православной Церкви в России", 1948 г.).

В результате наши вековые враги-татары становятся полноправными русскими гражданами, равно как и прочие инородцы. При том же Иване IV выдвигается потомок муззы Чета, Борис Годунов, будущий шурина царя Феодора Иоанновича, а затем всенародно выбранный его законный преемник — русский царь.

Наряду с ним мы видим крещеного татарина Симеона Бекбулатовича, которому Грозный поручает даже управление боярской Думой, и многих других, ставших родоначальниками знаменитых русских фамилий.

По примеру своих царей, в отличие от древних римлян или англичан, русские никогда не кичились своей принадлежностью к Империи и

* В 1571 году крымский хан ограбил и поджег Москву, обманув русских сторожевых воевод.

не считали своих иноверных и иноплеменных сограждан в какой-либо степени ниже себя.

Престиж Московских государей еще возрос после покорения Астрахани в 1554 году, ознаменовавшего окончательный развал Ногайской орды. Терпимость и уважение русских к их религии и традициям поразили татар. Историк С. М. Соловьев* приводит описание летописца о прибытии к Ивану IV в январе 1555 г. послов сибирского князя Едигера, потомка Тайбуги. По примеру ногайских и кавказских князей, Едигер стал просить у царя помощи против хана Кучума, внука хана Ивака, теснившего его земли.

Послы поздравили Грозного с покорением Казани и Астрахани и били ему челом, прося принять Едигера и всю Сибирь "в свое имя", чтобы оградить их от всех врагов. Иван IV внял просьбе Едигера, принял Сибирь "под свою руку" и велел положить на нее соответствующую дань. Послы обязались давать царю с каждого жителя по соболю и по сибирской белке, а число людей определили в 30 700 человек. Первым послем в Москву был из Сибири послан Боянда, которого привез в конце 1556 года сборщик дани Дмитрий Куров.

Однако вскоре Кучуму удалось победить Едигера, которого он убил вместе с его братом Бекбулатом в 1563 году. Завладев Сибирью, он известил царя, что будто бы дань будет ему выплачиваться, но обещания своего не сдержал и даже убил царского посла.

Как замечает Соловьев, для замирения Сибири необходимо было перейти через "Каменный пояс" (Урал), но польские и ливонские дела помешали Ивану IV уделить этому должное внимание. Все же царь сознавал необходимость лучше изучить этот богатый и обширный край, которому он даровал свое покровительство. Для этого в 1567 году были им отправлены для разведки казачьи атаманы Петров и Яличев.

Преодолевая трудности неведомого пути, атаманы блестяще выполнили царское задание. Историк Карамзин приводит их доклад Грозному обо всем виданном ими от озера Байкал до Корейского моря. Атаманы ознакомились с племенами Западной (или Черной) Монголии, побывали и в городах Восточной (или Желтой). К их удивлению, в этой последней царствовала женщина и, видимо, недурно правила, судя по развитию торговли и земледелия. Царица эта милостиво приняла казаков и дала им особый пропуск, благодаря которому их впустили в железные ворота Китайской стены. Так впервые русские проникли в царство китайского богдыхана. Столица Пекин поразила их своей роскошью и числом жителей. Кроме того, атаманы рассказали царю о диковинных

описаниях, слышанных ими в пути, о Туркестане, Бухаре и Тибете.

Иван Грозный дал предприимчивым Строгановым право пригласить к себе на службу вольных казаков с "дикого поля" и с Волги. Дело в том, что эта земледельческая семья, родом из Новгорода, уже владела землями по реке Каме и на Среднем Урале, где строила укрепления ("города") для защиты против разных инородцев своих людей и промыслов. Их проникновению за Урал препятствовал Кучум, нападавший на остяков, плативших дань царю. Строгановы узнали, что в июле 1573 года сибирский царевич Маметкул приходил на реку Чусовую проведывать дороги, чтобы добраться до их городков. Его войско побило много остяков, жен и детей которых татары увели в плен, причем шедший в Касайскую Орду царский посол был убит.

Тогда Строгановы били челом Грозному о разрешении начать действия для защиты остяков. К ним явились 540 казаков во главе с Ермаком Тимофеевым и атаманами: Иваном Кольцо, Яковом Михайловым, Никитой Паном и Матвеем Мещеряком. В июле 1581 года вогулы напали на чусовские городки и начали жечь деревни, забирая в плен жителей, но их разбили казаки, взяв в плен самого мурзу Бекбелия Агтакова. Ермак предпринял поход, на реке Иртыше разбил Кучума, взяв его город Сибирь и, покорив хитрых татар, известил о победе Строгановых, а Строгановы — царя. Бить челом Сибирью приехал в Москву атаман Кольцо. Однако сам Ермак позже погиб, утонув во время ночного нападения татар на его войско. Понадобилось еще несколько лет для окончательной победы над татарами. Благодаря доблести Ермака и его казаков, Русь утвердилась на реке Оби.

Отметим тут, что победителям и в голову не пришла возможность остаться хозяевами необъятной богатой страны: Сибирь они поднесли России.

Когда же английским купцам удалось завладеть Индостаном, они продали его за громадные деньги английскому правительству...

Продолжатель дела Ермака казак Семен Дежнев добрался через тайгу, тундру и горы до берегов Тихого океана. Он занял Камчатку и на реке Амуре столкнулся с китайцами. Узкий Берингов пролив не задержал русского движения, и в XVII веке казаки на своих ладьях перебрались в Америку и заняли Аляску.

* * *

Нам известно, что Сибирь — это край несметных богатств и исключительно своеобразной природы, простирающийся от Уральских гор до китайской границы. Россия и Сибирь составляют одно сплошное целое, один огромный материк. Наш знаменитый ученый Д. И. Менделеев, исходя из этого географиче-

* См. "История России", т. VI, гл. 7, стр. 306 и др.

ского положения, в своем труде "К познанию России" (1906) проводит мысль, что обе страны эти нераздельны; от Балтийского моря до Тихого океана расположено одно государство, а не метрополия и колония. Именно в Сибири, между Обью и Енисеем, следует быть идеальному центру Российской империи. Менделеев предсказывал в начале века, какую значительную роль будет играть в мире Сибирь. О том уже пророчествовал великий Ломоносов.

Проследим теперь, как проникала наша культура в Сибирь и другие края, примыкавшие к России. Иван Грозный разрешил Строгановым добывать и варить селитру на Вычегодском посаде. Старостам тех мест царь предписывал следующее: "Берегите накрепко, чтобы при этой селитерной варке от Григория Строганова крестьянам обид не было ни под каким видом; чтоб на дворах из-под изб и хором он у вас сору из земли не копал и домов не портил; да берегите накрепко, чтобы он селитры не продавал никому"* . Сразу же по взятии столицы Сибирь остяцкий князь прислал Ермаку дары и запасы, а сами татары, видя человеколюбие победителей, с женами и детьми стали возвращаться в прежние свои урты.

За победу Ермака царь пожаловал Семена Строганова городами Солью Большою и Солью Малою на Волге, а Максиму и Никите дал право торговать беспошлинно в городках и селениях.

При царе Федоре Ивановиче были уже построены Тобольск, Пелимь, Березов, Суругут, Тара, Нарым и др., а при Борисе — Верхотурье, Мангазья, Туринек и Томск. В эти города стали селиться русские купцы из Вятки.

В 1598 году, заботясь об инородцах, Борис писал, чтобы не брать у тюменских татар подвод для гонцов, не взыскивать дани с бедных татар и остяков, призывать старых и увечных. Желая уравновесить выгоды туземцев и русских переселенцев, он предписал воеводе Верхотурья поделить поровну покосы, рыбные и звериные ловли и всякие угодыя "так, чтобы вогулам нужды не было, ни торговцам Верхотурья". Крещеных туземцев по их желанию записывать в стрельцы, церкви же в новых городах снабжать книгами.

Как мы уже видели, по примеру иноков-разведчиков русского Севера XIV века, колонизация и духовное укрепление диких, непроходимых дебрей протекали в духе православия, и инородцы свободно примыкали к новым поселениям, заодно воспринимая лучшие традиции древней Руси. Так и в Сибири вскоре зародились духовные центры. Инок Иона Пошехонец основал в 1604 году, при царе Борисе, Николаевский монастырь в городе Верхотурье. Царь наделил его всем необходимым

для этого. До XVIII века эта обитель была единственным миссионерским центром для всей Западной Сибири. Игумены разъезжали по всему этому обширному краю и просвещали инородцев, так же как епископ Гурий после взятия Грозным Казани. Повсюду иноки следили за благосостоянием туземцев, ограждая всякого от произвола местных властей.

Тобольский Знаменский монастырь был основан в 1627 году на берегу Иртыша, тогда как в 1616 г. инок Нифонт, пришедший из Казани, основал в Тюмени Троицкую обитель.

Первый царь из рода Романовых, Михаил Федорович, особенно заботился о духовном развитии и благополучии нового края. Поселенцам на реке Лене он давал особо льготные условия, даровую лошадь и семена на пашнях, а также всю хозяйственную утварь и орудия безвозмездно. Воеводам и дьякам (чиновникам) приказано было никого силой не крестить, а крещеных определить по годности на государеву службу наравне с русскими, избегая вывозить в московские земли и платя им как прочим гражданам.

В 1620 году игумен Хутынский Киприан стал первым епископом Тобольским. Им был основан в Туринске Николаевский женский монастырь в 1624 году. Преемник Киприана епископ Макарий получил царский наказ насчет обращения с туземцами, схожий с наказом Стоглавого Собора архиепископу Гурию Казанскому. В Томской губернии, на Юртачной горе Томска основался Богородице-Алексеевский монастырь, который в 1634 году прозывался также Усть-Киргизским, а в Якутске, при царе Алексее Михайловиче, "служилый человек" Иван Афанасьев основал в 1664 году Спасский монастырь.

При селе Коде, в 800 верстах от Тобольска, возникла Кондинская Троицкая женская община в 1657 году, ставшая крупным центром распространения православия. Иоанно-Введенский Междугорный монастырь был основан в Тобольском уезде в первые дни открытия Сибирской Метрополии. Там особенно потрудились святители Филофей (Лещинский) и Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский, командированный в 1916 году при Николае II.

С XVIII века начинается славная эпоха открытия новых земель русскими героями-отрядами, в частности, в Аляске и в Тихом океане. Следя за этапами их продвижения, еще раз видишь разницу между англо-саксонскими и русскими методами колонизации в отношении к инородцам. С торговыми экспедициями "Русско-Американской Компании" неразрывно связаны имена Баранова, Шелехова, Хлебникова, Измайлова и пр. Они поражали своим чутким и сердечным отношением индейцев Америки, привыкших к алчности и цинизму белых.

В 1796 году в Аляске начинается деятель-

* С. М. Соловьев "История России", т. VI, гл. 7.

ность миссии у алеутов и начальник ее, Иоасаф, становится первым епископом Русской Церкви в Северной Америке с кафедрой в Кадьяке, как викарный Иркутской епархии. Среди алеутов, эскимосов и индейцев прославился своим апостольским рвением Иннокентий, будущий Митрополит Московский (1797 — 1879). Его служба протекала сперва в Сибири, в Иркутске, Якутске и Охотске, а затем в Аляске, где он жил на главном острове Уналашка. Ему Церковь обязана переводами на шесть племенных наречий Евангелия и главных молитв с переложением на церковное пение. Заметим, что и после продажи Аляски США миссионерская работа продолжалась, а в 1870 году там было основано "Православное Миссионерское Общество", окормляемое из России.

В 1790 году договор между Англией и Испанией признал открытыми для торговли все земли на Севере от Сан-Франциско и русские моряки вышеупомянутой "Русско-Американской Компании" основывают в Калифорнии ряд фортов*. Ввиду того, что и там продолжалась ревностная миссионерская работа, в Сан-Франциско был утвержден епископ с титулом "Алеутского и Аляскинского" для окормления семи приходов с семью тысячами верующих (1870 г.).

В ноябре 1871 года была отправлена особая миссия в Туркестан и епископ Софроний получил титул "Туркестанского и Ташкентского" с кафедрой в городе Верном. Его перу принадлежат ученые труды "Современный быт и литургия Яковетов и Несториян", "Из дневника по службе на Востоке и Западе" и др. В 1888 году умер в Перми выдающийся миссионер, прот. Евгений Попов, основатель "Пермского Братства Св. Стефана".

* * *

Закавказье с начала IV века приобщилось к православию и стало местом прославления целого сонма святителей и мучеников. Грузия, Иверское царство, как и Армения, в течение 14 веков с краткими перерывами подвергались жестоким гонениям. Последовательно арабы, хазары, персы и турки разоряют эти христианские государства, вырезают несметное число верующих, уводя в неволю женщин и детей. Однако, подобно православным балканским странам, но в несравненно худших условиях, грузины и армяне сохранили свою веру.

Из летописей и повествований иностранных путешественников по Кавказу нам известно, что со времен Киевской Руси угнетаемые народы Закавказья пытались получить содействие от России. Этому помешали, во-первых, та-

тарское иго, затем внутренние и внешние обстоятельства, в которых складывалось Московское Царство.

Лишь в XVIII веке, благодаря внутренним беспорядкам в Персии, владевшей Грузией, царю Вахтангу VI удалось связаться с Петром Великим, рассчитывая на помощь России. Заметим, что уже в июне 1701 года приехал в Смоленск армянин Израиль Ория умолять о том же. Когда на Грузию напали мусульмане-лезгины, царь Вахтанг со своим семейством принужден был спастись в Россию, где он и умер. После побед Екатерины Великой над Турцией одним из условий мира на Бухарестском конгрессе 1772 года была полная амнистия грузинам, армянам и прочим христианам, принявшим участие в войне, а также оказание покровительства православным церквам на Кавказе. Кроме того, Россия требовала избавления Грузии от подати христианскими дедичами и детьми, взимаемой турецкими пашами. Желая обезопаситься от персов и турок, цари Ираклий II Грузинский и Соломон Имеретинский приняли русское подданство и попросили Екатерину II оказать им содействие. В 1783 г. императрица согласилась взять Грузию под покровительство Российской Империи. Однако, когда русские войска покинули Тифлис в 1795 г., шах персидский Ага-Магомет-Хан напал на Грузию и сжег разграбленную столицу Тифлис. Сын Ираклия II, царь Георгий XIII из тысячетней династии Багратидов завещал свое царство русскому императору Павлу I и России.

В декабре 1800 года Павел I издал манифест о присоединении Грузии, что подтвердил Александр I своим манифестом в 1801 году. Немедленно новые подданные Империи получили те же права, что и коренные русские, и правительство занялось устройством нового края, в чем огромную помощь оказала несчастным русская Церковь. Опять-таки подчеркнем разницу с Англией: кроме равенства прав гражданских, для иноверцев-мусульман были открыты школы, где преподавали, кроме русского, природный язык каждой области, а муллы наставляли детей в их вере. Никакого насильного прозелитизма отнюдь не велось, и вскоре молодые кавказцы были приняты во все высшие учебные заведения на льготных условиях, в Кадетские Корпуса и т. д. безо всяких ограничений.

Мирным присоединением Кавказа к России очень встревожилась Англия, усматривая в нем угрозу своим сферам влияния на Востоке и в Индии. После поражения Наполеона начались между Лондоном, Тегераном и Константинополем интриги и тайные сговоры против России. Победы Николая I пресекали всякие попытки Порты уязвить Империю; тогда Англия подговорила турок чинить всякие неприятности православным в Святых местах, что

* Форт Росс до сих пор существует возле Сан-Франциско.

вызвало несчастную Севастопольскую кампанию. Одновременно действуя на Турцию и Персию, Англия снабдила оружием и боеприпасами некоторые враждебные русским кавказские иноверные народы; лезгины и чеченцы стали нападать на Армению и Грузию, пытались сорвать налаженную Россией гармонию в этих, столь претерпевших от ислама государствах. Это вмешательство Англии в кавказские дела вынудило Россию начать усмирение враждебных племен горцев, которое закончилось поражением имама Чечни Шамиля в Северном Дагестане. Провоевав против русских с 1824 года, имам принужден был сдаться князю Барятинскому в 1859 г., к великому недовольству Англии. Александр II обошелся чрезвычайно гуманно с побежденными. Шамиль с семьей, переведенный в Россию, был там благополучно устроен, а сын его, окончив военное образование, вполне обрусел и стал русским генералом. Милость в отношении долголетних врагов Империи отозвалась благоприятно на всех восточных народах, и престиж Белого Царя всюду стоял на большой

высоте. Следует вспомнить, как всегда были преданы России инородцы, отличавшиеся в последних войнах; в первую мировую войну особенно отличалась "Дикая дивизия" под командой брата Николая II, Михаила Александровича, а когда начались беспорядки революции, кавказцы выказали себя самыми стойкими защитниками порядка, за что и заплатились, когда Кавказом завладели большевики!..

Таковы вкратце пути Российской Империи, которой все еще навязывают враги эпитет "империалистической". Из приведенных нами исторических примеров достаточно ярко следует, что путеводной звездой нашей имперскости всегда была православная идея, заложенная в основе Св. Руси со времен Крещения Св. Владимира и "Русской правды" Ярослава Мудрого. Русская Церковь в самые трудные моменты русской истории непрестанно направляла и вдохновляла на великие дела наших предков, и мы верим, что так оно и продолжится, когда снова восстанет из пепла Национальная Россия, Священная Русь.

Печатается в порядке дискуссии

В. ПИСАРЕВ

СЛОВА, СЛОВА...

Вышедшая в издательстве "Ардис" книга М. Михайлова "Планетарное сознание"* свидетельствует о том, что спор продолжается.

Как справедливо отметил во введении К. Фотиев, наибольший интерес у русскоязычного читателя вызовут статьи "Своевременные мысли" и "Возвращение Великого инквизитора", т. е. спор между интернационалистом М. Михайловым и националистом А. Солженицыным.

Суть дискуссии заключается в том, что каждая из сторон считает необходимым противопоставить коммунизму.

А. И. Солженицын считает, что поскольку коммунизм явление не национальное, а интернациональное, то в борьбе с коммунизмом необходимо использовать идею национального возрождения.

Напротив, М. Михайлов, отталкиваясь от того, что коммунисты в годы войны успешно использовали патриотизм, уверен, что в будущем, в самосохранительной борьбе за власть, коммунисты используют и национализм, а по-сему идеи национального самосознания ни к чему хорошему привести не могут. Более того, разделяя критику русского национализма Н. Бердяева, М. Михайлов пишет, что коммунизм является первым универсальным уче-

нием, которое дает хотя и неверные ответы, но на правильно поставленные человечеством вопросы.

Полагаю, что первым универсальным учением, давшим правильные ответы на поставленные человечеством вопросы, является христианство.

М. Михайлов в своей критике национализма интерпретирует христианство как учение антинациональное и антигосударственное, хотя на самом деле оно наднационально и надгосударственно.

Признаю заранее, что в области теологии авторитет я, прямо скажем, — никакой. Тем не менее известное послание Апостола Павла, которое цитирует М. Михайлов: "Нет ни Иудея, ни Еллина, ни Скифа...", направлено не против народов как таковых, а против национальных языческих религий: "Но тогда, не знаяши Бога, вы служили богам, которые в существе не боги" (К Галатам, гл. 4, ст. 8).

А то национальное разделение церквей, которое, по словам М. Михайлова, столь болезненно переживается самими христианами, кроме исторических причин, есть еще и результат проекции универсального учения на реальную действительность с ее особенностями и отличиями между нациями и народами.

По мнению М. Михайлова, успех в борьбе с коммунизмом зависит от того, как скоро

* Все специально не оговоренные цитаты — по этой книге. Страницы указаны в тексте.

всем человечеством овладеет идея планетарного сознания.

Как ни привлекательна идея планетарного сознания, реальность наша такова, что все мы живем в границах национальных государств и принадлежим к той или иной нации.

Уверенность же в том, что любые надличностные категории, а такая, как нация, — в особенности, служат источником различных отрицательных явлений, позволяет Михайлову сделать ряд любопытных заявлений.

Довольно сильный выпад, вызывающий мгновенную реакцию, не лишенную эмоциональной окраски, это, конечно же, утверждение, что "... всякий национализм, всякое общество, построенное на началах националистических, не может не быть антисемитским..."

А вот В. Ронкин и С. Хахаев в статье "Прошлое, настоящее и будущее социализма" ("Поиски" №3, 1981) пишут: "Коммунист Дезами, утопист Фурье, социал-христианин Пьер Леру, народоволец Л. Тихомиров, фашисты и национал-социалисты — вот далеко не полный перечень социалистов-антисемитов".

Из работы этих авторов (социалистов по убеждению) можно понять, что антисемитизм является неотъемлемой частью капитализма и исчезнет лишь с уничтожением товарно-денежных отношений.

Ну что ж! Поживем, увидим!

А поскольку для А. Солженицына "...одна единственная реальность — нация", то "...совершенно логично его осуждение выехавших из Советского Союза по израильской визе, но не уехавших в Израиль..." (стр. 111).

Наиболее интересно в этих высказываниях не столько то, что в самом Израиле можно найти и сторонников, и противников этого осуждения, сколько то, что сами спорящие не замечают самоочевидной вещи. Спор-то идет в рамках, навязанных коммунистами!

В принципе, кому какое дело, куда едет еврей: в Нью-Йорк или в Иерусалим? Но почему еврей, еще в Союзе решивший ехать в США или Канаду, не получает визы в американском или канадском посольствах?

И почему только еврей? А другие народы общества "зрелого социализма"? Не спорить надо, куда ехать бедному еврею, а бороться против ублюдочной пародии на эмиграцию, именуемой "эмиграционной политикой советского правительства". Бороться за право уехать и вернуться, не подвергаясь репрессиям по обвинению в "измене родине"!

По поводу же того, что на М. Михайлова "более угнетающе действуют идеологические и политические статьи и высказывания Солженицына, чем тоже не совсем уж объективные работы профессора Пайпса", оспаривается только руками развести. Оказывается, "...никто до сих пор не дал столько аргументов профессо-

ру Ричарду Пайпсу, как сам Солженицын" (стр. 100).

Кто же мешает уважаемому профессору использовать для своих "не совсем уж объективных работ" взгляды русских интернационалистов?

Фраза М. Михайлова, что трагедия заключается в том, что работы Р. Пайпса посвящены прошлому России, а Солженицын говорит о ее будущем, поневоле вызывает вопрос: кто определяет политику американской администрации, А. Солженицын или профессора с их концепциями "сдерживания коммунизма" и "отбрасывания коммунизма к его национальным (!) границам"?

Тем не менее все это частности. Главное же то, что идея авторитарно-национальной России в понимании А. Солженицына в своей основе лишена всяких великодержавно-шовинистических признаков.

Разобрав взгляды А. Солженицына, М. Михайлов заключает: "Эх, и угораздило же написать человека! Все это — твердая реальная законность, отражающая волю населения, строй, не переходящий в произвол и тиранию, и все остальные свободы еще как существуют, однако исключительно в демократическом обществе. Никогда не было, нет и быть не может по определению такого авторитарного строя" (стр. 119, курсив М. Михайлова).

В чем, собственно говоря, проблема? Из-за чего спор? Оба, и Солженицын, и Михайлов, ратуют за одно и то же. Только М. Михайлов утверждает, что это — демократия, а Солженицын — авторитаризм!

Полагаю, с термином "национализм" вообще происходит что-то непонятное. Можно говорить о "национальной культуре" или "национальных особенностях", или даже о "национально-освободительном движении", и это ни у кого возражения не вызывает. Но стоит только заговорить об идеологии, как первой реакцией будут недоверие и настороженность. Ведь идеология национальной не бывает, она всегда, по определению, — националистическая!

Само же определение — националистическая — уже несет отрицательную нагрузку.

Наверное, национализм настолько широкое понятие, что под ним понимают и шовинизм с его идеей национального превосходства, и патриотизм*. Неспроста ведь М. Михайлов пишет: "Родина человека — это свобода, а не географическая, государственная или национальная принадлежность".

Утверждение, разумеется, смелое, но не бесспорное. И зачем ставить по разные стороны баррикад такие понятия, как "возрождение

*А. Солженицын неоднократно определял себя как патриота, а не националиста.

свободной личности" и "культ родины, отечества и земли"?

Национализм как одну из идеологий можно найти у всех народов. И, как всякая идеология, национализм включает в себя и экстремистское крыло — шовинизм и расизм. Однако ни расизм, ни шовинизм общенациональных интересов не выражают. Они выражают интересы одной или немногих политических партий.

Это, однако, не дает еще оснований утверждать, что общенациональные интересы выражает интернационализм. Интернационализм в моем понимании — это лояльное сосуществование отдельных национализмов. Тот же интернационализм, о котором говорит М. Михайлов, по сути своей является космополитизмом, что он в своей полемике с А. Солженицыным неоднократно подчеркивает.

Вполне возможно, что это звучит парадоксально, но именно демократия, предоставляющая свободу выражать их мнения сколь угодно малым организациям и отдельным лицам, дающая широкую возможность политической и идеологической борьбы в рамках легальной законности, и позволяет народам демократических стран в той мере, насколько это возможно на сегодняшний день, защищать свои национальные интересы.

Только этим и можно объяснить, почему националист А. Солженицын, болея за народ, землю и отечество, для национального возрождения России выбрал тот набор общественных институтов, которые М. Михайлов вполне справедливо определил как демократию.

Ну, хорошо! А при чем здесь авторитаризм? И если демократия так хороша, то зачем ее ограничивать?

Скорее всего, в основе требований подобного рода лежит явление, в оценке которого сходятся люди разных взглядов и убеждений. Эта оценка в определении М. Михайлова звучит так: "Конечно, нельзя не согласиться с Солженицыным в том, что политика западных демократий в отношении тоталитаризма чаще всего вызывает лишь пессимизм у вдумчивого наблюдателя".

Этот пессимизм и вызывает у кое-кого, на первый взгляд, довольно странное желание: и демократию построить, и избежать всех недостатков, наблюдаемых у демократии реальной.

"Сама демократия базируется на равенстве прав, независимо от национальной, религиозной, идеологической, расовой или политической принадлежности человека", — пишет М. Михайлов, и с этим не согласиться нельзя.

Но реальность наша такова, что в условиях демократии все члены общества: умные и не очень, нравственные и безнравственные, по-

средственные профессора и гении уголовного мира — все живут в условиях демократических свобод. И, в силу своей неодинаковости, пользуются этими свободами по-разному. Признаю, что это тривиально, но проблема заключается в том, чтобы не дать развернуться гению уголовного мира, с которым и десяток посредственных профессоров не справятся. На то он и гений!

И далека еще от разрешения проблема взаимоотношений между мирным обывателем и "сопливыми террористами"!

Как неоднократно отмечала в своих статьях Д. Штурман, демократия по своей природе каждодневно рождает и тенденцию тоталитаризма, которую следует своевременно блокировать. Но не менее прав и М. Михайлов, когда пишет, что в условиях демократии все больше появляется людей "внутренне несвободных". Оказывается, что отказ от надличностных ценностей, требование свободы для всех приводит к тому, что появляются организации тоталитарного типа, возникает "молчаливое большинство", не знающее, что делать с этой свободой, и существует группа убежденных демократов, искренне верящая, что от явлений подобного рода можно избавиться только дальнейшим расширением демократии.

Каким образом? Равенство неравных индивидов перед законом обеспечено, но, в силу своей неодинаковости, между собой они остались неравными.

Абсолютизировать равенство? Придем к казарме и лагерю, где все равно равенства нет...

Осталась свобода! Дайте каждому абсолютную свободу для выявления всех его природных наклонностей!

Именно это требование и просматривается во всех заявлениях демократов.

Замечу, что абсолютная свобода ведет к анархии, с необходимостью переходящей в тоталитаризм. Кроме того, "неограниченная свобода", против которой выступают авторитаристы типа Солженицына, отнюдь не обеспечивает обществу каждодневное рождение гениев в различных областях знания. Рождение гения по-прежнему остается явлением редким. Но эта свобода обуславливает порабощение определенной части общества массовой культурой, неумение этой части общества за трескучей демагогией увидеть опасность тотала, нежелание поступиться минимальным комфортом и личным спокойствием во имя сохранения демократических свобод.

"Что будет делать А. Солженицын с личностью, для которой главное не идея вечной России, а копченая колбаса?" — спрашивает М. Михайлов и тут же добавляет, что для демократии культ колбасы у определенной части общества — явление нормальное и политических бурь не вызывает!

(В условиях тотала культ колбасы тоже яв-

ление нормальное и, к сожалению, политических бурь также не вызывает! Разве что в Польше!

Право, не знаю, что будет делать с такой личностью А. Солженицын, а вот что сделает личность, для которой копченая колбаса — единственный свет в окошке, знаю.

Сожжет повестку, возьмет ноги в руки и удерет от "грязной войны" в Канаду!

Вот смельчак, вот молодец! Да пропади они пропадом: Америка, СССР, Вьетнам, Китай, демократия, коммунизм...

Самовыражается свободная личность: "Лучше быть красным, чем мертвым!"

Обвинение в авторитаризме обусловлено еще и тем, что демократы, очевидно, не ожидали столь острой критики со стороны лиц, выросших при тоталитаризме, ибо стоит только эмигранту из Союза указать на какой-либо недостаток в демократическом обществе и быть не столько "за", сколько "против", как демократы становятся в третью позицию и вполне серьезно заявляют: "Господа, вы еще не созрели для свободы. В вас еще живы пережитки тоталитарного мышления!"

И приходится оправдываться и доказывать: да мы тоже за свободу и демократию! Примите нас! Если мы и против кого, так это против коммунистов, фашистов, гангстеров, террористов. И против того, как легко и свободно используют они демократические свободы в ущерб обществу!

— Ну-ну, успокойтесь, господа! Демократия похожа на пчелиный улей. Посмотрите, сооружение вроде и хрупкое, но прочное, умеющее перестраивать свою структуру! Понятно?

— Понятно, только вопрос: а что делать, если в улей запустит лапу медведь?

И поскольку вразумительного ответа на этот вопрос получить не удастся, то кое-кто начинает строить проекты переустройства общества, несколько отличного от общества западных демократий.

— Ну, вы только посмотрите! — вмешиваются в спор историки-советологи, два раза в году тщательно изучающие расстановку членов Политбюро на трибуне ленинского мавзолея. — Это врожденные авторитаристы! Идей демократии они ни понять, ни принять не могут! Да еще и антикоммунисты! Фи...

Гипноз "свободы для всех" настолько велик, что даже антикоммунист М. Михайлов пишет: "Запрет коммунистической партии в какой-либо стране мира можно расценивать как первый шаг к коммунистической диктатуре" (стр. 123).

Почему?

Нацизм, коммунизм и фашизм являются тремя ересями в социалистическом учении. О. Шпенглер в книге "Закат Европы" очень сильно обиделся на К. Маркса, заявив, что

последний украл теорию прусского социализма, да еще и извратил ее, привнеся утопическую, не реализуемую на практике идею "диктатуры пролетариата". Что же касается эпохи военного коммунизма в советской России 1918 года, то, по определению О. Шпенглера, она явилась "кровавой карикатурой на теорию прусского социализма".

И если Нюрнбергским процессом осужден оригинал прусского социализма, то почему его "кровавая карикатура" имеет права гражданства наравне с другими демократическими партиями, которые она, кстати, ежедневно грозится угробить?

Тем не менее надежду переубедить критиков демократы не потеряли. Но поскольку сделать это на уровне теоретическом оказалось непросто, то применяется методика наглядных примеров, когда оппоненту, дабы последний уяснил себе, что такое демократия, предлагается ряд взаимоисключающих понятий. Своего рода бинарные или политомные ключи, применяемые в методиках распознавания образа.

В первом приближении этот ряд альтернативных признаков выглядит следующим образом: государственный терроризм — или свобода общества и организованная преступность; только "Правда" — или серьезная пресса и порнография; общее загнивание — или элементы загнивания как база ферментации здоровых процессов в обществе; участие коммунистов в правительстве как показатель демократии общества; свободная продажа оружия как показатель свободы общества и т. д. и т. п.

Но пессимист и скептик, и в условиях демократии остро чувствующий, как нет-нет, да и потянет сквозняком тотала, да к тому еще и уверенный, что он из будущего вернулся в прошлое, качает головой:

— У нас это уже было! И "Правда", и порнография, и свободная продажа оружия!

Вспоминается рассказ Н. Крупской (Воспоминания о В. И. Ленине, М., 1934) о том, как лучший друг Ленина поп Гапон без каких-либо затруднений купил в Англии пароход с оружием и переправил его в Россию...

Вспоминается свобода для погромной агитации, царившая в России в канун революции 1905 года.

"В Боевой комитет при санкт-петербургском комитете. ...Пусть тотчас же организуются отряды от 3-х до 10, до 30 и т. д. человек. Пусть тотчас же вооружаются сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т. д. ...Проповедники должны давать отрядам каждому краткие и простейшие рецепты бомб, элементарнейший рассказ о всем типе работ, а затем предоставить всю деятельность им самим. Отряды должны тотчас же начать военное обуче-

ние на немедленных операциях, тотчас же. Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания, третьи — маневр или снятие планов и т.д. Но обязательно сейчас же начинать учиться на деле: не бойтесь этих пробных падений. Они могут, конечно, выродиться в крайность, но это беда завтрашнего дня... Пусть каждый отряд сам учится хотя бы на избииении городских: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных бойцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч” (В. И. Ленин. Соч., изд. 4, том 9, стр. 315—317).

Да ко всему прочему приходит в голову анекдот из серии “черного юмора”, когда переполошившиеся стратеги из Североатлантического союза с недоумением спрашивали друг у друга: “А что делать, если во Франции и Италии придут к власти коммунисты?”

Действительно, что делать?

И, немного подумав, пессимист и скептик набрасывает проект будущей конституции: “Безусловное ограничение демократических свобод для организаций или партий политических уголовников”.

И тут его хватают за руку: “Нет, так дело не пойдет! Это прямой путь к авторитаризму, да еще и возврат к борьбе с коммунизмом на докоммунистических позициях!”

Вот уж не знаю, на какие позиции возвращаться, но вся коммунистическая эпоха характеризуется постоянным отступлением демократии перед коммунизмом.

Как результат мирового кризиса, мир захлестнула волна тоталитаризма. Россия 1917 года, Германия — годы 1918, 1923, 1933. Италия — 1921 год...

Коммунисты победили в России, но в Европе они потерпели поражение. Потерпели поражение потому, что в то время в Европе нашлись силы, которые подавили их вооруженным путем, а не разговорами и угрозами лидеров демократических партий. Эти силы могли бы так же легко подавить и нацизм, только вот с тридцатых годов эти силы куда-то исчезли...

А вообще, вам нравится, когда стреляют? И вам, я вижу, тоже не нравится! И мне не нравится!..

Ну, а что же все-таки делать, когда, с одной стороны, “человек принадлежит Богу и потому не может ни отдать себя в полное распоряжение другому человеку, ни взять другого в свое распоряжение” (стр. 87), а с другой стороны...

Надо ли объяснять, что с другой стороны?

И вот нам предлагают сидеть у моря и ждать погоды, пока всем человечеством овладеет идея планетарного сознания. А пока все силы

положить на борьбу с русским национализмом, противопоставив ему борьбу за личность.

А ведь какую бы благодарность ни вызывала борьба западной общественности за отдельные личности, бороться надо за угнетенные нации и народы. Ведь в одном Китае личностей порядка миллиарда!

Впрочем, русский народ, с точки зрения американцев, угнетенным народом не является, поэтому если “...Буковский и тысячи других нынешних российских героев ведут борьбу не за демократию, а за авторитарную, национально-сознательную Россию, то тогда люди на Западе с полным правом могут сказать — это не наше дело” (стр. 88).

Правильно, не ваше это дело. Один из ваших, Х. Смит, уже писал о таких национальных чертах русского народа, как любовь к очередям, коммунальным квартирам и несвежему белью.

Коммунизм не так уж и страшен! На горизонте маячит более жуткий строй: национально-авторитарная Россия. И под бдительным оком русских националистов просвещенный Запад вынужден будет менять рубашки раз в неделю!..

Отталкиваясь от сегодняшней политики западных демократий, той политики, которая “вызывает лишь пессимизм у вдумчивого наблюдателя”, М. Михайлов уверяет, что зло заключается в том, что, преследуя свои национальные интересы, западные демократии поддерживают авторитарные и тоталитарные режимы, а не прогрессивные силы, борющиеся за интернациональные права человека в этих странах.

В данном случае М. Михайлов рассуждает так же, как и западная общественность, не имеющая опыта тотала. Вполне спокойно относясь к такому явлению, как поддержка и финансирование коммунистами различных антидемократических партий и течений, западная общественность почему-то уверена, что и у себя дома коммунисты будут терпимо относиться к оппозиционному движению, да еще позволят ему получать помощь из-за рубежа, материальную или материальную.

Кроме того, отношения с соблюдением международных правовых норм заключаются с главами правительств, а не с оппозицией, да к тому же чаще всего находящейся в подполье...

Что западные демократии и делают, подписав не с правозащитниками, а с коммунистами договор о нерушимости послевоенных границ в Европе.

Во имя чего все-таки подписали демократы соглашение с коммунистами? Во имя разрядки и разоружения!

Но пока что ни разрядкой, ни разоружением и не пахнет! Разоружение станет действительностью тогда, когда общественность СССР возьмет под свой контроль бюджет министер-

ства обороны. Такое может быть только в некоммунистической России, а в какой: авторитарной, демократической — судить не берусь. Поэтому, не отказываясь от свободного обмена мнениями, необходимо сплотить все антикоммунистические силы и добиваться для них поддержки от Запада.

Возможность же демократизации России заложена в подписанной и коммунистами Декларации прав человека: "Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободу выражения их: это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ".

И западным демократиям, и российскому Зарубежью необходимо требовать выполнения коммунистами ими же подписанных международных соглашений.

Поскольку советские журналы "Новое время" или "Азия и Африка" издаются на нескольких иностранных языках, а подписка на них оформляется в представительствах и корреспондентских пунктах, где сидят советские журналисты, то и для Союза западная пресса должна публиковаться на основных языках народов СССР! И эмигрантская пресса тоже!

И распространением этой прессы должны заниматься западные журналисты. Никакого логического противоречия в данном утверждении нет!

Журнал "Проблемы мира и социализма", также издаваемый на нескольких языках, регулярно печатает статьи генсеков зарубежных компартий, и их за это на родине в тюрьму не сажают! Почему это у коммунистов есть привилегии, а у антикоммунистов нет?

И поскольку распространение за рубежом советской прессы вмешательством во внутренние дела западных стран не является, то и распространение в СССР западной и эмигрантской прессы также вмешательством во внутренние дела Союза не является!

Требовать этого надо на уровне государственной политики. Если коммунисты на это все-таки не пойдут, тогда западным демократиям надо набраться мужества и признать, что Хельсинкские соглашения испытания на практике не выдержали!

Вот тогда и появятся у нас тренировочные полигоны, не раньше!

И в заключение: вынося перед заголовком статьи "в порядке дискуссии", мне меньше всего хотелось, чтобы дискуссия, если таковая и вспыхнет, развернулась бы вокруг таких понятий, как "нация", "демократия", "авторитаризм" и т. д. Спорить об этом можно до белых мух, до новых веников, до морковкиного заговенья...

Желательно было бы знать, что нужно сделать, чтобы заставить коммунистов выполнять подписанные ими международные соглашения? Можно ли это сделать? Как это сделать?

СТИХИ

Стихи эти мы получили из Самиздата. Это третья тетрадь автора, носящая название "Любовь". Мы печатаем в этом номере выбранные из этой тетрадки стихи. Наш журнал до сих пор стихов не печатал, но мы делаем исключение, т. к. нам представляется очень важным то, что есть молодые люди, пишущие такие глубоко христианские стихи. Сам молодой автор считает себя верующим православным христианином. Мы печатаем стихи под псевдонимом по понятным причинам.

Редакция.

Алеша КАРАМАЗОВ

А.В.П. (Н...)

ОДНАЖДЫ УТРОМ... (Чтение Евангелия)

ГОСПОДЬ явился Светом Слова,
Слезами сердца,
сквозь барьер
Немых времен...
О, Радость...!
Снова

Ожил убогий малOVER...!
...Рыбачьи сети, будни лова,
Народ...
Ученье...

Пламень Зова —
Предстали явью Чистых Сфер..!
Сладчайший Глас Живого Слова
Объял стремнины рас и вер,
Сион, вершины Кордильер..!
...Афон,
Царьград,
Милан,
Кордова

И... Русь (в рубцах мечей и мер) —
Как будто вышли из-под крова
Столетий,

став блистаньем дня,
Лучом Небесного Огня
В ОЧАХ СИЯЮЩЕГО СЛОВА..!

И я молил:

”ЛЮБОВЬ ХРИСТОВА!

Пребудь со мной!

Возьми меня!!!”

28.2. — 1.3.1983

Памяти В. Соловьева.

ГИМН...

Благословенный ритм

Божественных Созвучий...

Благоуханный Свет струится и поет...

Благоговейный зов, неслышимо-певучий...

И Новый Человек Блаженство Правды пьет..!

Неотразимый ЛИК НЕБЕСНООКОЙ ТАЙНЫ...
СЛАДЧАЙШИЕ УСТА

ЛАЗУРНОЙ ГЛУБИНЫ...

Как внутренне-легко, но как необычайно
Преобразилась жизнь... И... явью стали сны..!

О, Благодатный Мир — Молитвенное Счастье!

О, Вдохновенный Пир Сердечного Огня..!

...Движение руки — Лучистое запястье —

Прозрачный ОМОФОР — Сиянье —

сквозь меня...

Пульсирующий Нимб за гранью измерений...

Сверкающая даль вне мыслимых границ...

Проникновенный ВЗОР

”Мерцающих Горений”...

Нежнейший Орел, сотканный из Зарниц...

Свеченье изнутри. Волхвы. ОТРОКОВИЦА.

Рождественская Ночь.

МЛАДЕНЕЦ.

Звездный Глас...

Не сотворенный СВЕТ...

НЕБЕСНАЯ ЦАРИЦА

Из моря Красоты благословляет нас..!!!

11 — 15.12.1982

Памяти Епископа Игнатия Брянчанинова.

ВНЕЗАПНО...

Не на живот, а на смерть битва.

У сердца — острое меча...

Еще горит моя молитва.

Еще горит моя свеча...

...Огонь...

В горниле искушений

Мужает дух...

И пламя-брань

Слезой последних сокрушений

Омыла мартовская рань...

11.3.1983

... ..

О, ВЫСШЕЕ из всех Даяний!

О, ”...совокупность совершенства”..!

В ТЕБЕ — венец земных деяний!

Безмерность Райского Блаженства..!

И Тайну ЖИЗНИ — СВЕТ Фавора —

Прозрачный Пурпур Горних Недр —

Хранит седая сикомора,

Хранит седой ливанский кедр...

А мы..?!

Увы..!

Затмило вежды!

Над черным миром — белый флаг!

Но ТЫ — грядешь!

И луч надежды

Пронзает тьму...

О, БЛАГО Благ!!!

24 — 25.2.1983

Н ...

... И ТАМ...

Рассвет за дымкой сна. Светлея, обновились
Полотна прошлых лет —

душисто-влажный юг...

И где-то Там, внутри, почти соединились

Дыханье белых роз и пламень белых выюг..!

Истома вешних дней. Прозрачно развернулись

Картины дивных встреч... Незримо...

Изнутри...

И где-то Там, вдали, почти соприкоснулись

Последний звездный луч и рдяный стяг зари...

Горел Святой Восход. Невидимо струился

Поток Небесных Грез из Тайны Мета-Сна...

И в плазме шара вдруг мгновенно озарился

Лазурно-Чистый Град...

И Там была ОНА!!!

18.12.1982 (ночь — утро)

О. Ф.

”Радуйся, Звезда рождающая Солнце!”
(Икос 1-й, Акафист Божией Матери)

ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ...

Провижу:

вновь Сиянье Встречи

За гранью Мига, в море СВЕТА...

Волна Лазури...

ЛИК...

На плечи

Ложится нежный Плат ЗАВЕТА..!

Нетварный Пламень в дланях мира...

ЗВЕЗДА и СОЛНЦЕ..!

Ночи нет..!

Порыв души...

Струя эфира —

Лазурный Синтез! Чистый СВЕТ..!

И тает ум в истоме мая...

И мысли жгут восторгом грез...

И ГОЛОС ТВОЙ в Блаженстве тая,

Рождает Жемчуг Чистых Слез..!

Провижу: Радость..!

Радость Встречи

За гранью Мига, в море СВЕТА..!

Весна венчает зимний вечер,

И... входит

ДЕВА НАЗАРЕТА...!!!

Москва. Б.-я. 6.1.1983

Памяти Отца Павла Флоренского

ОТВЕТ СИМЕОНА БЛАГОГОВЕЙНОГО...

Седой пустынный. Цепи гор.

Горящий диск. Горящий взор...

"Иди за мной, — позвал аскет, —

Увидишь ЖИЗНЬ!

Увидишь СВЕТ!"...

... "А чем докажешь правду слов..?!"

... "Неси сушняк..."

Костер готов...

...Гигантский пламень — столп огня —

Вознесся...

Выжжет тело дня...

Горело все...

Святой стоял...

И сердце БОЖИЙ страх объял...

"Иди ко мне!"...

"Я — грешен! Нет!"...

"Увидишь больше!", — был ответ..!

3.3.1983

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"Континент" № 34. Об И. Лиснянской окончательно видно, что она — настоящий поэт; хотя далеко не все ее стихи одинаково хороши. Из напечатанных тут, "Случай", пожалуй, лучше всего. Ю. Кублановский, это уже не то, но все же талантливо. А у Л. Евгеньева сколько-то удачные отдельные строки тонут безнадежно в море мусора. О прочих стихах в номере можно не говорить, — они того не стоят. Протаковые Я. Келюса не будем судить, потому, что они — в переводе Н. Горбаневской; а в нем и Мицкевич вряд ли был бы хорош.

Из отрывка романа П. Гомы вытекает, что румынские концлагеря не лучше советских или кубинских; в остальном мы имеем здесь дело с натуралистическим очерком, изобилующим нечистоплотными подробностями; с фотографией страшных и отвратительных вещей; но отнюдь не с художественным их претворением. Рассказ словака Д. Шимко являет столь же омерзительный натурализм, но уже (почти) без политических претензий себе в оправдание. Это по сути дела, просто цепь бессвязных сальных анекдотов. Об А. Суконике мы давно составили себе мнение, как о писателе вполне бездарном; новый его опус оное целиком подтверждает.

Важнее в журнале часть идеологическая, выраженная, в первую очередь, в ностальгических воспоминаниях Б. Суварина о большевизме 20-х годов, в построении коего он сам активно участвовал. Нам его идеалы глубоко чужды. А

факт содействия творившемуся тогда, на наш взгляд, чести никому не приносит. Крупный французский славист П. Паскаль, о котором тут повествует Суварин, по крайней мере позже от коммунистических иллюзий отошел совсем. Автор же разбираемой статьи, определенно, многое от коммунистической психики и сейчас сохраняет.

Э. Коган, анализируя "Ленина в Цюрихе", ставит в вину Солженицыну демонический, бесовский характер центрального персонажа. Однако ведь позиции голого материализма не для всех обязательны... Вот и "Бесы" Достоевского — не без мистики; а кто скажет, что его предсказания не сбылись или что он плохо понял происходившее в его время?

В апологетической статье М. Дугач о хорватском националисте В. Чижеке она приводит следующее высказывание этого последнего: "Мы отвергаем диктатуру, но не отвергаем хорватское государство даже если оно — когда бы иначе не вышло — окажется диктаторским". Чем может обернуться националистическая диктатура, мы еще не так давно наблюдали (включая и в той же Хорватии!). Стоит ли такого желать?

Любопытно и место из "Колонки редактора", где В. Максимов вздыхает о невинных жертвах в Чили. В Чили, если кто еще и сидит под арестом, то коммунисты. У которых коли руки и не в крови, то лишь от того, что не

успели дорваться до власти. Уместно ли проливать о них слезы?!

Исключительно интересен, несмотря на узко специальный характер, очерк В. Тетерятникова о фальшивых русских иконах на западе.

“Трибуна” №№ 1 и 2. Сие издание, именуемое само себя *ЖУРнал—ГАЗета*, объединяет левейший сектор третьеволновиков; знакомые все лица — Любарский, Эткинд, Шрагин и пр. В чем разница с “Синтаксисом”, не возьмем в толк. Заполненный политическими трактатами, ежемесячник сух, сер и, сдается, адресован весьма ограниченному кругу читателей. Ни старой, ни новой эмиграции он не созвучен, а из новейшей разве что крайне незначительной группе. Цель его — пропагандировать демократию, в его собственном своеобразном и сектантском понимании; например, из числа демократов категорически вычеркивается Солженицын и все его сторонники (а, бесспорно, у автора “Архипелага Гулаг” заслуг перед Россией больше, чем у всей редакции и сотрудников “Трибуны” in corpore). Но, скажем, в афинской демократии было ведь в обычае выдающихся людей предавать остракизму.

Е. Эткинд проявляет себя здесь воинствующим безбожником. Вряд ли он будет иметь успех. В отличие от него, жившего уютно в СССР и еще уютнее живущего теперь во Франции, почти все до новейшие хлебнули в досталь горя и опасностей; а именно в испытаниях познается Бог. Доводы же Эткинда в пользу атеизма на редкость беспомощны и неубедительны. Представитель, в прошлом, той части еврейской молодежи, которая решила, что советская власть, это — их власть, и была позже, сделав уже карьеру, ушиблена антисемитизмом правительства, он ревниво сохраняет предрассудки своей юности и неспособен ими поступиться; но и другим их передавать не умеет.

Утверждение, будто “в нынешней России большинство населения — атеистично”, высосано из пальца (еще кабы сказать: “большинство оторванной от народа интеллигенции”, куда бы ни шло!). Вот Солженицын, в недавнем выступлении, констатирует, что там (в частности, в Рязанской области) 70% жителей крестят детей. Рассуждение, что атеист может быть человеком высокой нравственности — явно хромоногое: может, и нередко бывает; да не от того, чтобы атеизм ему в этом помогал (наоборот, чаще всего помогают-то усвоенные от предков и традиции моральные принципы, восходящие к религиозным установлениям). Удивляют тут же ссылки на Фета и Гейне! Первый, в преклонном уже возрасте, покончил с собою; из чего явствует, что, как указывал еще Пушкин, данная система взглядов мало утешительна. Второй же, отрицатель

внешних форм и скептик во всех вопросах, имел с Богом особые отношения, свойственные большим поэтам. Человек, который, встретив на миг милую девушку, возносит к Небесам горячую и несомненно искреннюю молитву:

Чтоб Бог ее прекрасной
И чистой сохранил!

лишь с трудом может быть зачислен в лагерь неверующих; и, сдается нам, помянутый им в сердечном порыве *der liebe Gott* этого к себе обращения не забыл и, при суде над ним, учел как должно*.

У господина же Эткинда неверие — совсем иного сорта, более сродное профессорскому, над каковым подтрунивал Иван Карамазов. Вообще удивляемся, зачем он ссылается на поэтов, и притом с ним отнюдь не единомысленных! Фет держался в политике ультраправых, чтобы не сказать реакционных, воззрений; Гейне прославился насмешками над социализмом, так бесившими некогда узколобого доктринара Л. Берне (довольно перечисте стихотворение “Крысы”!). Коль скоро их принимать за авторитеты, то ведь... нет, право же, Ефим Григорьевич, вам выгоднее взять свои слова назад!

Когда, в другой статье, Эткинд разоблачает эмигрантов (концентрируя свой гнев на Н. Т. С.), сочувствовавших в период войны больше немцам, чем большевикам, его фразеология и логика вполне совпадают с таковыми советской прессы; у нас же, людей свободного мира, они вызывают непреодолимое отталкивание. По счастью, время доносов и преследований за пресловутую коллаборацию миновало, и воскрешению не подлежит. Сам возобновитель сих запоздалых обвинений повторил однажды, применяя к себе, фразу то ли Герцена, то ли Гиппиус: “Мы не в изгнании, мы в послании!”. Так ведь, надеемся, в послании-то не от КПСС все-таки?

Относительно атаки атеистов на эмиграцию (последнее утешение хотят у нас отнять!), курьезна согласованность действий между собою двух органов левого стана: в “Русской Мысли” — орудут покойным Адамовичем, в “Трибуне” — живым Эткиндом. Как не заподозрить закулисного движения дирижерской палочки незримого начальника?...

“Часовой” № 643. Редакция отлично сделала, отметив 200-летие со дня рождения Жуковского, выдающегося поэта и высоко благородного человека. Удачно выбрано и стихотворение его (данное в небольших отрывках), “Певец во стане русских воинов”, с которого нача-

* У Гейне есть прекрасное стихотворение, где он говорит, что, приняв христианство вынужденно (чтобы поступить в университет), он потом понял и полюбил Иисуса Христа. Прим. ред.

лось восхождение его ко всероссийской славе. Хотя субъективный жизнеописатель стихотворца, Б. Зайцев, и считал, что это стихи на случай, лишённые большого значения; а они и сейчас звучат как нельзя более актуально; в частности, строки:

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Узнали радость бытия,
Поля, холмы родные...

Биографический очерк по необходимости сжат. Справедливо указание, что "именно Жуковский заложил в душу Царя Освободителя семена любви к ближнему и высокие гуманные начала" (с оговоркой, что у того к оным обнаружилась немалая склонность, да и отец его недаром же избрал ему такого воспитателя!). Что же до похвалы поэту, что "почти за 40 лет до освобождения крестьян, он отпустил на волю всех своих крепостных", не мешает уточнить, что их и было-то у него всего четверо. От чего красота его поступка, разумеется, не уменьшается.

В очерке "К 1500-летию Киевской Руси" кидается в глаза досадная опечатка: князь Симеон Олелькович назван **Одельковичем**.

Заметка "Советские солдаты в Швейцарии" грешит чрезмерным оптимизмом касательно утверждения об их свободе "вернуться в СССР или остаться за границей". В "Русской Мысли" промелькнуло недавно тревожное сообщение насчет их положения. И напомним странный факт (описанный Н. Толстым в книге "Victims of Yalta"), что интернированные в Швейцарии после второй мировой войны советские подданные все как один согласились ехать на родину; чего нигде в других местах не случилось (всюду многие отказывались)! Какими мерами сие было достигнуто? Наш долг — всяческие усилия приложить, дабы и теперь нечистая игра не повторилась!

В статье о Белом Движении А. Осипов убедительно восхваляет неопределенческие лозунги, в нем доминировавшие и, безусловно, не содействовавшие победе. Сам он приводит любопытную деталь: в Крыму, под конец гражданской войны, отражавшая левую идеологию песня:

Мы о прошлом не жалеем,
Царь нам не кумир,

"уже пелось иначе", а именно:

Мы о прошлом все жалеем,
Царь нам был кумир!

Да и как иначе могли мыслить истинные офицеры и солдаты царского времени, составлявшие костяк борьбы с революцией? Вовсе изумляет пассаж: "Автор настоящей статьи допускает, что идеи коммунизма, при известных условиях, по достижении человечеством каких-то высот духовного развития и его духовного перерождения и руководимое высоко мо-

ральными правителями могут отвечать идеям какого-то морального совершенства..." Какой ложью все это звучит (и в какой туманной и запутанной форме изложено)!

"Вестник Р. Х. Д." № 138. Номер слабый и вялый; вообще журнал явно переживает упадок. Не лишены интереса письма Цветаевой к Саломее Андрониковой. Упоминание, пусть и вскользь, о Царстве Небесном отнюдь не подкрепляет тезиса Н. Струве об ее неверии. Свидетельство об изучении ею материалов о последней Царице стоит вероятно в связи с утраченной поэмой о Царской Семье. С горечью читаешь: "Перекоп лежит непринятый ни Числами, ни Волей России, ни Современником!" Боже! Такая чудная вещь, чуть ли не вершина цветаевского творчества...

В интересном выступлении Солженицына в Японии удивляет его замечание, что он не видит прямого наследства от славянофилов. Допустим даже, он лично нет; но достаточно открыт Солоухина, чтобы убедиться в их сильнейшем влиянии (и не у него одного). Мечта "изгнать советскую власть без кровопролития" кажется абсолютно нереальной: ну как это мыслимо?! О японском кинематографе (жаль, что Александр Исаевич не называет ни одного фильма!) — мы видели разные картины, в двух основных жанрах: 1) Исторические, самурайские (обычно, дивные!) и 2) Современные; в их числе часто слабые, иногда морально безобразные или политически неграмотные. В остальном, конечно, выступление это надо каждому прочитать от доски до доски (да и кто же не прочтет?).

Поставленный в СССР фильм "Мать Мария", об Е. Ю. Скобцовой, погибшей в немецком концлагере, Е. Клепинина-Аржаковская характеризует как "угодный цензуре и казенным советским представителям". Иного, понятно, и ждать не приходилось.

Ч. Милош начинает свое эссе "Достоевский и Сартр" опасением, что так никогда и не напишет запрограммированную было им книгу о великом нашем писателе. И слава Богу! Что дельного может о Федоре Михайловиче сказать человек, одержимый ненавистью к России и русскому народу, радикально ему не позволяющей в них что бы то ни было уразуметь? Если он сумеет о них впредь молчать, — человечество ничего не потеряет.

"Проблемы Восточной Европы" №№ 3-4. Солидный наукообразный журнал служит злу, а не добру; безумию, а не разуму. Все разбирать не станем, хватит пары примеров.

А. Сеитматова рассказывает об изгнании большевиками татар из Крыма. Дело, ясно, преступное и чудовищное, у всех нас вызывающее негодование и желание, чтобы виновники злодеяния были наказаны, а жертвы смогли бы вернуться на родину и им была бы ока-

зана широкая помощь для восстановления их благосостояния и их культуры. Но автор начинает валить ответственность на старую Россию; и это уже — ложь и клевета. Беспристрастное описание политики России в Крыму можно найти у М. Алданова, к которому и отсылаем. Мы завоевали Крым (но до того, веками, крымские набеги разоряли, опустошали и терроризировали Россию); однако его многочисленное население жило после того в составе Российской Державы мирно и на основе равноправия, и никаким преследованиям не подвергалось. Зверства советского строя падали и падают на различные народы, в том числе и на русский; незачем обелять коммунистический режим и чернить, в угоду Западу, вечную Россию, разжигая национальную ненависть среди ее жителей! Отделить Крым от Российской Империи — химерический проект, гибельный прежде всего для его жителей; а чтобы наладить в будущем совместное существование русских и татар — не надо стараться их поссорить!

Чех М. Кундера, бывший коммунист (а сейчас?), уже давно известен руссофобией, какую развивает и здесь. Для чехов тоже война с русскими в целом, вредна и безрассудна; следовало бы нам вместе бороться против русских и чешских коммунистов. Но что проку спорить с твердолобыми; особенно, если их позиция им на сегодняшний день лично выгодна?

Видим в журнале и другие печально знакомые имена: Р. Пайпс, К. Рейман... Словом: ориентация антирусская, а ничуть не антикоммунистическая. Эта линия проходит в журнале через все. А линия — недобрая, проигрышная (что продемонстрировала гитлеровская Германия). Ну — время покажет. Бог правду видит, да не скоро скажет (тем более тем, кто имеет глаза и не видит, имеет уши и не слышит...).

"Русская Мысль". Об этой газете хочется сказать словами Пушкина: "Без божества, без вдохновения"... Определенной политической платформы у нее нет; впрочем, мы разделяем подозрения, выразившиеся в печати, что есть, но такая, что ее неудобно раскрывать перед публикой. Хуже того, нет в ней ни одного способного сколько-то ярко сотрудника; язык ее неизменно — корявый и суконный. Все важные и актуальные для русского Зарубежья темы обходятся и замалчиваются; рассказывается же преимущественно о вещах никому не нужных. Крайне непропорциональную роль играют новейшие эмигранты (тускло-левого оттенка), тогда как читатели-то ведь, в подавляющем большинстве, принадлежат к доновейшим, у которых интересы совсем иные.

"Обозрение". В особенности скверный, прямо говоря неприличный характер имеет носящее сие название приложение к "Русской Мы-

сли", где воспитанные на марксизме гарвардские профессора развязно и самоуверенно нас поучают, что такое Россия, и какой она должна быть; русскоязычные же их подручные им подобострастно поддакивают. Беда не только в некомпетентности и малоодаренности берущихся не за свое дело лиц (хотя оные — удручающе), а, еще больше, в их духовной ограниченности, в их неспособности подняться выше желудочного, утробного уровня мышления.

"Грани" № 127. Еще недавно превосходный литературный журнал сейчас (в силу каких-то внутренних перемен и перестроек?) грубо политизируется, в ущерб качеству. Печатающаяся с продолжениями бесконечная диссертация С. Пушкарева "О свободе и самоуправлении в России" отражает иллюзии левого интеллигента, которого жизнь ничему не научила и не научит. С позиции подобных химер нельзя понять судьбы России; а не понимая — можно ли работать на ее спасение?

Записки А. Авторханова, отличные по форме и содержащие много неглупых мыслей, дают картину других беспочвенных мечтаний и фантастических представлений (видимо, в значительной мере давно изжитых автором): таковых молодого советского коммуниста 20-х — 30-х годов.

Почти половина (!) номера занята скучноватыми воспоминаниями бывшего члена Государственной Думы Н. Савича, занимательными только для специалистов. Издание их отдельной книгой, для любителей, явилось бы, может быть, и осмысленным; но занимать ими журнал!... Под таким грузом он рискует пойти ко дну. В предисловии к этим мемуарам, Н. Рутыч вполне безграмотно называет французское местечко под Парижем, где похоронен Савич, **Сен Женеьев де Буа**. Женеьева — женское имя; а "святая Женеьева" будет по-французски **Сент Женеьев**.

Кусочки из исторического романа Д. Маркиша больше похожи на Шилидкрета, чем на А. Н. Толстого (хотя неопрятный натурализм был свойствен и тому): попытки представить Петра Великого и его сподвижников на манер Сталина с его клеветами. Ни язык, ни мышление эпохи не выдержаны совсем. Основная идея писателя примерно такая, что с петровских времен в России существовал на верхах еврейский заговор против народа, что мало правдоподобно. Сам Петр вовсе не сходен с реальным: стал бы он надевать ярмолку!...

Ю. Кублановский умышленно оперирует в своих стихах отвратительными образами:

За отбросами моря вонючими
Солнце в матовой ауре-мгле,

или

В стороне — за гнилыми бараками...
в силу чего и читать их крайне неприятно.

“Наша Страна”. Нельзя обойти молчанием странную латынь, которую продолжает употреблять г-н И. А. в передовицах. В № 1716 он переводит *Dura lex, sed lex* как “Твердый закон есть закон”, вместо: “Жестокий закон, но закон”. Никому не обязательно цитировать латинские изречения; можно и цитировать, не переводя. Но давать неправильный перевод — не рекомендуется!

В письме в редакцию в № 1721, некто Логвис меня поносит за защиту интеллигенции и, хуже того, евреев. На такую словесность есть ли смысл и отвечать? Без своей интеллигенции ни один строй стоять не может, и никакое политическое движение существовать. По счастью, у русской монархии были интеллигенты как Достоевский и Гумилев, и в Зарубежи монархическая интеллигенция тоже (к которой и себя причисляю): притом не только русская, но и еврейская (имелся даже Союз Еврейских Монархистов). Однако, верю охотно, что Логвис — не интеллигентен совсем. Прочитав его письмо, вряд ли его кто-нибудь в том и заподозрит.

“Новый Журнал” № 150. Публицистика разползается за счет литературы, занимая уже больше, чем полномер. Притом и качество ее не высоко. Зачем бы столько о Зайцеве: и “Письма Зайцева”, и “Разговоры с Зайцевым”, и “Библиография произведений Зайцева”... А ведь он был весьма посредственный писатель, ничего выдающегося не создавший!

Статья Б. Нарциссова о творчестве В. Булич и Л. Алексеевой — добросовестная, но не очень глубокая.

Решительно неприятны развязные, поверхностные и безвкусные рассуждения Ю. Иваска “Похвала русской поэзии”. Невыносимы пренебрежительные пошлости им изрекаемые о первоклассных, замечательных поэтах как Жуковский и Батюшков. Он, кстати, видимо, даже не знает, что драма “Камознс” (прекрасная и высоко поэтичная) есть перевод из Гальма. Все определения Иваска мелки и фальшивы. Дельви́г для него “мал”. Это — в масштабах нашей великой поэзии; а в другой им бы гордились.

Этюд М. Дубинина “Над собой смеетесь” чересчур уж реакционен. Он упрекает Людовика XIV за покровительство Мольеру, Николая I за покровительство Гоголю. Считать Мольера ответственным за якобинцев, а Гоголя за большевиков, — право же, слишком прямолинейно!

Среди стихов выделяются сочиненные Волковой; жаль, что их всего два, и небольших. Остальные читателю ничего не дают; какие-то бледные упражнения в версификации: ни чувства, ни мысли (иногда же, как у Бобышева, — нудная заумь).

Приведем как образец строфу из И. Чиннова:

Душа, приветствуй бытие!
Люблю вселенную в апреле,
Ведь если б не было ее,
То где бы мы с тобой сидели?

Вселенная, однако, создана пожалуй что не исключительно для комфорта господина Чиннова.

Оригинален рассказ Ю. Кашкарова, “Исаак и Евдокия”, на фоне древней полуязыческой Руси, с упырями, лешими и ведьмами.

“Русское Возрождение” № 20. Журнал целиком переключился на церковную тематику с примесью редких воспоминаний о давно минувшем. Ни политикой, ни литературой он больше не занимается. Поэтому и мы не считаем целесообразным его разбирать.

“Форум” № 2. Не будем повторяться: направление “Форума” в точности то же, что у “Проблем Восточной Европы”: ненависть к России, в первую голову не к советской, а к имперской. Отсюда — обливание грязью нарвн генерала Скоболева и Солженицына (но это, понятно, — лай моськи на слонов!). Отсюда и злоба против русского языка (и специально — в его роли средства общения между всеми народами государства). Хочется спросить: а ваш журнальчик вы на каком языке издаете?

“Борьба” по 83 — 86. Кто из нас, второй волны, не сочувствовал Власовскому Движению, даже если не принимал в нем активного участия? Казалось бы, и попытки его возрождения должны вызывать нашу симпатию. На беду в них не мало такого, что настораживает. Р. О. А. имела целью объединить русских антикоммунистов. Зачем же теперь нажимать на февралистские лозунги, фигурировавшие, по необходимости, для отвода глаз немцам? Разделение власовцев на ряд фракций, после второй мировой сильно огорчало массу их сторонников; зачем же теперь сохранившаяся ветвь бранит и срамит заглохшие? Надо бы или про них молчать, или судить объективно... И уж совсем бы не надо сводить счеты с покойными противниками или конкурентами по идейным вопросам, как делает Д. Падун, обвиняя в... “коллораации” (!) лейтенанта Н. Давиденкова, талантливого писателя и журналиста, однодельца Л. Гумилева и друга Л. Чуковской, выданного большевиками и расстрелянного в концлагере (о нем есть упоминание в “Архипелаге Гулаг”). С точки зрения врагов — все власовцы, несомненно, были коллаборанты. С русской же, — никак непонятно, почему монархист Давиденков был больше коллаборант чем Падун, который, похоже, даже не февралист, а октябрист (в смысле признания “достижений” Октябрьской революции)? Если бы подобных недостойных выпадов в журнале не было, “Борьба” сильно бы выиграла; да и борьба (без кавычек) с большевизмом тоже.

РЕЦЕНЗИИ

Юзеф (Иосиф) Мацкевич. "Победа провокации", перевод с польского Галины и Сергея Крыжицких. Изд. "Заря", Лондон, Канада, 1983.

О коммунизме написано много книг. Писали о теории, идеологии Маркса, Энгельса и Ленина, о практике советского государства, о политике внешней и внутренней, о хозяйстве, о терроре. Но вот о провокации писали мало. Собственно говоря, не писали ничего. Это считается "ненаучным". Разве можно анализировать историю или весь феномен как таковой с точки зрения провокации? Большинство специалистов пожмет плечами. Но вот как раз человек науки, естествоиспытатель по образованию, Иосиф Мацкевич в рецензируемой нами книге анализирует действительность непредвзятым взглядом естествоиспытателя и натывается повсюду на то, что игнорируется большинством исследователей: на провокацию. Эпиграфом к книге стоит выписка из советского "Политического словаря": "Провокация — подстрекательство к каким-нибудь действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые последствия для провоцируемого лица и посторонних лиц". Искусством такого подстрекательства коммунисты владеют в совершенстве. Но слишком многие в эмиграции — любой эмиграции из коммунистических стран — не хотят об этом слышать. Хотя как раз эмиграция подвергается особенно усиленно действиям советской провокации. О провокации внутри русской эмиграции писалось немало: вспомним книгу С. Войцеховского "Трест" и книгу Б. Прянишникова "Незримая паутина". Мацкевич описывает победу провокации в целой стране, не только в эмиграции. Но там, где еще сохранилась свобода слова, в польской эмиграции, на автора тоже была наложена незримая цензура. Слишком трудно многим расставаться со своими иллюзиями, слишком часто человек, отвергнувший коммунистическую идеологию, поддается какой-нибудь другой. Независимость мысли трудна и для многих недоступна. Но именно ее ставит Мацкевич своим девизом: "Я глубоко убежден, что польская эмиграция — как, впрочем, каждая эмиграция из-под коммунистического владычества — должна исполнить и может исполнить некую важную миссию. А именно: потеряв независимость государства — спасать независимость мысли. Но нельзя спасти независимую мысль посредством торжественных постановлений, постулатов, патристических требований и, тем более, лозунгов и запретов" (стр. 16—17). Мы всецело присоединяемся к этим словам. Независимость мысли была всегда девизом нашего

журнала, и мы на этом пути встречали уже немало трудностей. Мацкевич усматривает стремление к коллективизации мысли и в свободном мире. Увы, он прав. Интеллектуалы вместо того, чтобы всеми силами бороться против поработителей мысли, прозвали борцов против этого реакционерами, а тех, кто беспрекословно подчинился идеологической диктатуре, — прогрессивными силами.

Невозможно в рецензии перечислить все примеры искажений в пользу коммунизма, господствующих и в свободном мире, которые приводит Мацкевич. Надо было бы перепечатать всю главу. Но мы очень рекомендуем всем прочесть этот весьма наглядный список искажений коллективного мышления свободного мира. Мацкевич пишет о фальсификации многих фактов прошлого ради оправдания собственной политики Запада и добавляет: "К сожалению, каждая политика, если считать ее искусством предвидения будущего или влияния на историческое развитие будущего, должна опираться на знание прошлого. Фальсификация же этого прошлого, замена исторических фактов фактами вымышленными или же приноравливание настоящего к желаемому может обернуться политикой весьма нереальной" (стр. 32). Снова прав И. Мацкевич! Указывая на то, что мир не возмущался и не возмущается убийством, скажем, миллионов украинских крестьян в период коллективизации и встречался с их палачом Хрущевым, тогда как все возмущаются убийством евреев национал-социалистами, Мацкевич пишет: "Конечно, это происходит не потому, что весь мир любит евреев и не любит, например, украинских крестьян, а потому что весь мир подчиняется психическому давлению не только обязывающих формул послевоенного давления, не только давлению "реальной политики" и пропаганды, но и доминирующим интеллектуальным сферам, создающим некое течение, направление мысли, настроение, неблагоприятное для человеческого индивидуализма и тем самым связывающее свободу сравнений" (стр. 35). Как велико это давление, знает каждый доцент и профессор западных университетов! Неимоверно трудно побудить студентов мыслить объективно, а не в тех шаблонах, которые им прививают в гимназии. Но куда годен студент, будущий научный работник, если он умеет мыслить только в готовых шаблонах? Все же в свободном мире можно говорить и стараться разбудить мысль, что нередко и удается. Это также отмечает И. Мацкевич: в демократических странах самостоятельная мысль не может быть убита, хотя порой ей бывает весьма трудно.

В главе "Существует ли еще Россия?", которая была перепечатана в "Новом Журнале" №148, И. Мацкевич пишет: "Не рискуя можно утверждать, что СССР больше, чем только измененная старая Россия — он ее прямая противоположность. И это в любом отношении: политически-государственном, экономическом, философском, бытовом и, может быть, больше всего в психическом. Сохраняя внешнее обрамление империи, большевики изменили ее внутреннюю сущность" (стр. 51). Это — не голословное утверждение. Мацкевич приводит достаточно доказательств в пользу своего тезиса.

В дальнейших главах книги описывается путь, по которому шла Польша к коммунизму. Автор горько критикует знаменитого маршала Пилсудского за то, что тот не помог белым армиям, когда была возможность общими силами победить большевиков в гражданской войне. Большевицкая Россия казалась многим меньшей угрозой, чем Россия свободная. Мало кто понял всю мировую опасность надвигающегося. Страннее всего, что мало кто ее и теперь еще понимает! Пилсудский говорил, что большевицкая пропаганда не опасна тем, кто понял большевизм; И. Мацкевич же возражает, что опасность большевицкой пропаганды может понять только тот, кто знает большевизм. Пилсудский его так же мало знал, как и большинство политиков свободно-го мира.

И. Мацкевич подробно анализирует феномен союза национализма с коммунизмом, своего рода национал-коммунизма. Коммунизм при этом, конечно, господствует и использует национализм — того или другого народа — в своих целях. Но сколько людей уже ловилось на удочку некоего национал-коммунизма! В №22 "Голоса Зарубежья" мы напечатали главу из книги "Победа провокации", именно "Как и из чего возник "РАХ". Книга И. Мацкевича тогда еще по-русски не вышла, и мы печатали главу в своем переводе, так что там найдутся некоторые различия с той же главой в книге, но не по смыслу, а лишь в стиле. Националист Александр Бохенский, которого коммунисты разыскивали, чтобы арестовать, предложил свое сотрудничество тем же коммунистам. Оно было принято. Бохенский же исходил из всем известной концепции "Россия". Это, мол, не Советский Союз, а Россия, хотя и с некоторыми изменениями, но в общем такая, как была всегда. Надо найти ее государственные интересы и к ним апеллировать. Коммунисты охотно включили его в свой план провокации, но от этого не перестали быть коммунистами.

Обратная сторона концепции "Россия" та, что польские некоммунисты начинают искать точки соприкосновения польского "государственного интереса" с польскими коммуниста-

ми против России как таковой. И их коммунисты охотно используют. В этой концепции даже генерал Ярузельский может сойти за польского патриота.

И. Мацкевич описывает провокации внутри Церкви. Католическая Церковь имеет центр вне подчиненной коммунистам страны, в противоположность русской православной Церкви, поэтому справляться с католической Церковью было труднее, но и здесь были применены провокация и инфильтрация.

Вторую большую провокацию И. Мацкевич называет "гомуклизмом". Он приводит разговор Ленина с одним из польских коммунистов, который уже тогда сказал Ленину, что они, польские коммунисты, сделают то же самое, но лучше. Ленин был этим ответом доволен (стр. 163). Автор пишет: "Суть тактики Гомулки была в том, что он, опираясь на старые образцы НЭПа, применял их к фактическому положению. С рукой на пульсе и ухом, приложенном к живому телу Польши, он безошибочно ставил диагноз и намечал действия, ведущие к непосредственной цели. Таким образом он добился почти гениальной мистификации и такой степени солидарности широких слоев населения с партией, какой не добился, пожалуй, ни один из коммунистических вождей. Это помогло ему бескровно спасти коммунизм в критическом для него 1956 году и снискать себе заслуженную благодарность со стороны международного коммунизма...

...Польская Народная Республика стала витриной "хорошего коммунизма" и одновременно мистификацией "эволюции", обманывающей западное мнение гораздо эффективней, чем это удалось сделать старой провокации Треста ГПУ" (стр. 164—165). Польское издание книги, с которого сделан этот перевод, вышло в свет 20 лет тому назад. В наше время мистификация "хорошего коммунизма" в Польше рассеялась, но все еще сильно мнение, что поляки должны быть вместе, независимо от их идеологии, а вся беда в "москалях". Генерал Ярузельский то представляется польским патриотом, спасающим Польшу от вторжения советских войск, то неким коллаборантом, продавшим себя "русским". На самом же деле Ярузельский — нормальный коммунист, который стремится спасти коммунистическое владычество в Польше. Вместо того, чтобы создать против него, равно как и против Андропова и всех их единомышленников и приспешников, единый антикоммунистический фронт, все снова разбиваются на разные нации, и начинается вражда между нациями на пользу международного коммунизма.

И. Мацкевич указывает на тактику заманивания эмигрантов. Провокация — это всегда двойная игра. При провокации всегда имеются действия на обе стороны. Провокатор нередко

производит действия, до какой-то степени полезные провоцируемому. "План провокации рассчитан только так, чтобы качественный вес пользы на главном пути перевешивал качественный вес компромиссов на побочных путях" (стр. 175). Мы считаем это чрезвычайно важным высказыванием. Большинство людей не понимают, что такое провокация. Провокацию путают с агитацией. Если кто-либо высказывается, скажем, против коммунизма, то его уже считают честным антикоммунистом, не понимая, что провокатор, в отличие от агитатора, должен высказываться против коммунизма, чтобы потом подsunуть решения, выгодные тем, кому служит провокатор. "Провокация гомулковского типа, — пишет Мацкевич, — применяемая к польской эмиграции, соответствует инструкциям вышеупомянутого диверсионного комитета в Восточном Берлине. Она не требует от эмигрантов ни возвращения на родину, ни отречения от своей идеологии; она требует, чтобы в самых важных вопросах они поддерживали интересы "родины", иными словами, скрытые под этим лозунгом интересы международного коммунизма" (стр. 175). Та же тактика применялась и применяется и к русской эмиграции, и на ее удочку попадались многие эмигранты. Вероятно, и к другим эмиграциям применяются подобные же методы.

И. Мацкевич критикует так называемый "польреализм" — национализм польской эмиграции. В последних главах книги "Реализм против действительности" и "Пафос против заразы" И. Мацкевич показывает корни коммунизма. Он пишет: "Неверно, что коммунизм угрожает "западной культуре". Коммунизм угрожает цивилизации и культуре. Римской, византийской, китайской, индусской, арабской. Будучи врагом не народов, а человека как такового, он в то же время враг его Бога и всего человеческого достояния...

Если свержение коммунизма вообще, и освобождение народов Восточной Европы в частности, представляется трудным без участия Германии, то без участия русских представляется совсем невозможным. Поэтому Россия не может быть нашим противником в борьбе с международным коммунизмом, а должна быть нашим главным союзником. Дело обстоит сегодня так, что русский антикоммунизм является наиболее "чистым", т. е. без примеси посторонних интересов, и целиком сосредоточенным на свержении коммунистической системы" (стр. 220).

К сожалению, в наше время к русскому антикоммунизму примешивается много компромиссов. Конечно, компромиссный "антикоммунизм" — это уже не антикоммунизм, но он зачастую старается выдавать себя за таковой.

Так называемый политический "реализм" ищет компромиссов с идеологией и системой,

с которой никакие компромиссы невозможны. Этот "реализм", в самом деле, не видит действительности коммунизма, не видит его действительной опасности. "Катастрофа — это жизнь всего человечества под властью коммунистического строя", — пишет И. Мацкевич (стр. 230). Он призывает оставить национальные ссоры, попытки заранее расписать границы будущих государств, но понять всю угрозу коммунизма, понять его ловкие методы провокации и противостоять ему.

Эту книгу должен прочесть каждый, кто хочет понять методы коммунистов.

В. Пирожкова

Дора Штурман. "Мертвые хватают живых. Читая Ленина, Бухарина и Троцкого". Лондон, 1982.

1. Ленин.

О Ленине написано много, толстые биографии, исследования, романы, в которых появляется и действует Ленин. И нам пришлось прочесть ряд книг о Ленине; с другой стороны, мы, конечно, не прочли всего, что в разных странах и на разных языках было о Ленине написано. Прочесть все вряд ли может один человек, но из многого прочитанного короткий, занимающий треть книги и ограничивающийся последними годами жизни Ленина очерк Д. Штурман, пожалуй, ярче всего его обрисовывает. Перед нами как живой выступает бесильный победитель. Гениальный стратег революции, одержимый жаждой власти и не брезгавший никакими средствами, Ленин очутился после победы перед неразрешимыми проблемами. Вся "этика" Ленина заключалась в том, что он для себя допускал все то, что он беспощадно обличал и громил в других. Может быть, он и искренне верил в то, что его революция несет счастье хотя бы только пролетариату — верил, во всяком случае, до этой самой революции. Но формула: "цель оправдывает средства, и мне позволено все то, что не позволено никому другому, даже партийным соратникам", — обесценивала эту веру, даже если она была искренней. Таким путем никому нельзя принести счастья, но фанатику не до размышлений о средствах: ему нужно только достичь своей цели.

У Доры Штурман есть и краткий исторический обзор предшествовавшего периода: действий временного правительства. Она пишет о том, как не защищались те, кого свергнуть поставил Ленин своей задачей. Конечно, Ленин хотел свергнуть монархию, но еще в январе 1917 г. он высказывался весьма пессимистически относительно революции, и лишь известие о февральской революции толкнуло его на

возможно скорые действия. Д. Штурман пишет: "Развал, раскачка всех устоявшихся и неустоявшихся отношений, расширение пропасти между народом и "обществом", народом и властью, подточившие русскую монархию, продолжались и после ее крушения. В конечном счете это крушение привело к возникновению партократии.

Сегодня из этого делают вывод, что крушение партократии в СССР не может не привести сначала к еще более глубокому хаосу, чем хаос марта—октября 1917 г., а затем к еще худшей диктатуре, чем советская партократия.

Но почему?

Трагедия России 1917 г. демонстрирует иную закономерность: сила, которая исподволь готовит себя к овладению некоей ситуацией и не пренебрегает заблаговременным, длительным и злободневным завоеванием симпатий нужных ей групп населения, такая сила этой ситуацией овладевает. И если большевики проделали это, обладая утопической программой, то почему нельзя (или бесполезно) воевать за общественное мнение, располагая жизнеспособной программой?" (стр. 79). Добавим от себя, что вышеприведенное мнение многих диссидентов, на которое возражает и Д. Штурман, обеспечивает партдиктатуре бесконечное существование.

Д. Штурман указывает на то, что Керенский сам был социалистом и сам хотел почти того же, что и большевики, только иными средствами. Автор резюмирует: "Сделать-то он хотел бы то же самое, что обещали сделать большевики, только мирно, реформами. Как и у большинства современных социалистов, у него нет и подозрения, что ад остается адом, независимо от того, поволокли тебя туда крючками за живое мясо или привезли в самолете-люкс" (стр. 87). Вероятно, оттого Керенский и не сопротивлялся по-настоящему, оттого и отверг предложение Корнилова принять меры против экстремистов. "Репрессии против экстремистов в связи с их разрушительно-провокационной деятельностью всерьез предложил летом 1917 г. генерал Лавр Корнилов. Керенский, Савинков и др. поколебались, но не решились посягнуть на то, что казалось им полнотой демократии" (стр. 78—79).

Так Ленин победил. И перед ним встали неразрешимые проблемы. Централизованное огосударствление всей жизни привело к неимоверному распуханию бюрократии, которая тем не менее не могла, даже при всем желании, охватить все аспекты жизни огромной страны. Ленин рвет и мечет. Декреты, письма, угрозы арестом, расстрелом. Он возмущен неспособностью новой бюрократии эффективно управлять страной и не может понять, что дело не в отдельных людях, а в той системе, которую он сам создал. "Когда Ленину пытаются доказать,

что суть не в злом умысле "волокичиков", он требует наказания "как раз ответственных виновников этих организационных дефектов", не понимая, что один из ответственных виновников спит на Хайгетском кладбище, а другой — диктует это наставление" (стр. 150).

Беспомощный победитель перестает видеть в своем былом кумире, пролетариате, избранный класс. Рабочие, якобы не желающие достаточно трудиться, называются "насекомыми", и против них должны быть приняты драконовые меры. "Теперь и рабочие, то бастующие, то бунтующие, то отстаивающие независимость профсоюзов, оказываются классом ненадежным и недоброкачественным" (стр. 156).

В книге все это развитие иллюстрируется цитатами из многих документов, что дает очень пластичную картину. Д. Штурман подчеркивает, что путь к террору лежал в самой сути дела. "...Сила, которая не может добиться своих целей мирными средствами и при этом не хочет отказаться от своего положения единственной решающей силы, должна неизбежно обратиться к террору. В этом смысле Ленин стал на путь, для его партии — неотвратимый, поскольку, не будучи в состоянии выполнить свои дореволюционные обещания и намерения, РКП(б) не собиралась уступить кому-либо власть" (стр. 151).

Все вышеказанное не ново, хотя, как мы уже указывали, изложено чрезвычайно логично и пластично. Но вот новым нам представляется указание автора на то, что Ленин под конец жизни стал партии уже ненужным. Книга начинается с главы "У постели учителя", где показано, как равнодушно отнеслись соратники Ленина к тяжело больному и умирающему, как легко предоставили контроль над ним Сталину. В конце подводится итог деятельности Ленина как диктатора и указывается причина того, что описывалось в начале. "Как только выяснилось, что, кроме принуждения и запретов, нет у Ленина универсальных приемов управления, его личная ценность для "внутренней партии" резко упала. Способность возглавить террор и дезинформацию (в отличие от способности генерировать оригинальные и действенные решения сложных задач) — не такое уж редкое качество для людей с лидерскими наклонностями.

Ленин-тактик — поистине редкое политическое явление. Ленин-диктатор ничем выдающимся в ряду прочих диктаторов не отличается" (стр. 155).

Д. Штурман возражает всем мифотворцам Ленина, например, Рою Медведеву, и удивляется живучести этих мифов.

Она указывает на то, как страна рвалась к нормальной жизни. "Все в этой стране еще рвалось к естественному, свободному образу существования. Все активно или пассивно, волей или инерцией сопротивлялось предписанной

ему упорядоченности. Понадобятся десятилетия террора после короткого, половинчатого (и все же целительного) маневра НЭПа, чтобы набросить на это сопротивление узду достаточной крепости” (стр. 159).

Сталин вытекал непосредственно из Ленина. Когда больной Ленин был партии уже ненужен, она вполне последовательно сделала ставку на Сталина. “Афоризм Ленина о сентиментальности можно ведь и несколько перефразировать: “Сентиментальность на войне — такое же преступление, как шкурничество”. А коммунизм (марксизм-ленинизм) определил с 1848 года свой путь как состояние перманентной войны против международного капитализма. Ленин успел в этой войне только поставить РКП (б) в положение колонизатора своей же страны. Сталина предостало эту колонизацию сделать только прочной” (стр. 161).

В “Голосе Зарубежья” мы печатали в № 12 и № 13 статью Д. Штурман о Ленине, но в книге, конечно, все сказано полнее и глубже. Мы очень рекомендуем эту часть читателю.

2. Н. Бухарин

И о Бухарине сотворены мифы, в частности на Западе. Этот якобы всесторонне образованный, культурный человек был иным. Если бы он, а не Сталин стал во главе государства после смерти Ленина, у него были бы иные рецепты, — так думают некоторые.

Дора Штурман опровергает и этот миф. Сначала она показывает Бухарина в диалоге с академиком Павловым. В то время, как ученый честно старается понять чуждую ему идеологию, читает брошюру Бухарина по несколько раз и не может разрешить внутренних противоречий этого учения, Бухарин отвечает ему демагогично. Павлов спрашивает, между прочим, как может пролетариат быть гегемоном и одновременно самой необразованной и незнающей частью населения, — то и другое пишет Бухарин. Последний отвечает лишь насмешливыми выпадами, но в конце концов сводит гегемонию пролетариата к гегемонии слоя вождей и даже к “личному режиму”, т. е. к одному вождю как представителю этого самого “гегемона”.

Павлов видит тупик в этой войне одного класса против другого, которая грозит длиться десятилетиями, а Бухарин отвечает только лозунгами. Он был не теоретиком, а только идеологом, констатирует Д. Штурман. От себя прибавим, что Бухарин ни в чем не был хоть сколько-нибудь глубоким теоретиком. Его книга “Исторический материализм” очень примитивно написана, гораздо примитивнее, чем писания других русских марксистов, например, того же Плеханова. Бухарин полностью детерминирует человека средой, не умеет различать между причинностью и мо-

тивацией и даже сравнивает человека со шкуркой колбасы: сама шкурка, мол, не имеет значения, все зависит от того, какое содержание в нее вложит мясник. Так же и человек сам по себе не имеет никакого значения, его начиняет среда. Повторяем, многие другие марксисты до такого примитивизма все же не доходили.

Во второй части, в диалоге со Сталиным, окончившемся для Бухарина трагично, Д. Штурман разбирает проблему правого уклона. Кстати, в ответе академику Павлову Бухарин цинично писал, что, конечно, бывают ошибки, но дело не в отдельных погибших в революции людях. Пока это касалось других, все они готовы были жертвовать кем угодно, но когда коснулось их самих?..

Д. Штурман подчеркивает, что цель у них у всех была одна и та же, но все же была разница в средствах и путях. И тут она показывает, что скорее Сталин, чем Бухарин, шел ленинским путем. Но “правый” уклон Бухарина был Сталину страшнее, чем “левый” Троцкого. “Сталин был достаточно зорок, утверждая, что “правая” опасность серьезнее “левой”. “Кто стоял за “левыми” с их индустриализаторским экстремизмом, с их откровенно колонизаторским подходом к крестьянству, с их литературной “мировой революцией”, ради которой должны жить рабочие? Никто, кроме кучки восторженной молодежи и кучки экстремистов старшего поколения.

За “правыми” же могло встать все многомиллионное крестьянство СССР, все экономически инициативные элементы города и вся политическая оппозиция большевизму в стране и в эмиграции” (стр. 209 — 210).

Д. Штурман указывает на отношение Ленина к крестьянству, которое он уже очень рано начинал величать “кулаками”. Ленин разочаровывался все больше и в рабочих, открывая в них мелкособственнические тенденции. Он плохо читал Герцена! Последний уже давно написал, что идеал рабочего мелкособственнический. Но крестьянин в среднем представлялся просто символом этого мелкособственничества. “Ах, как досаждает Ленин по поводу нежелания доставшегося большевикам во власть человеческого материала лезть в уготованное ему прокрустово ложе!” — пишет Д. Штурман (стр. 233).

Мы благодарны Д. Штурман за то, что она обратила особое внимание на крестьянство и отметила его творческую роль. Этого многие не понимают, в том числе и западные экономисты. И вообще о советском режиме писали преимущественно интеллигенты и жаловались тоже большей частью на свои беды; крестьянство в большинстве случаев забывалось. Указав на то, как Ленин душил профсоюзы и самостоятельность рабочих, она пишет: “Общественно-историческое заблуждение, выразившееся в

словах К. Маркса об "идиотизме деревенской жизни", заставило нас позабыть о творческом характере труда крестьянина и о необходимости для него, как и для интеллигента, свободы замысла и реализации этого замысла" (стр. 234).

Д. Штурман убедительно показывает, что если Бухарин подхватил некоторые фразы Ленина, говорившиеся им из тактических соображений, то Сталин вел дальше дело Ленина, хотя он и воспользовался фразами Бухарина для ликвидации Троцкого и его сторонников. Ленин стремился прежде всего укрепить единство партии разными методами и разными зигзагами, но всегда устремленными к одной цели. То же самое делал и Сталин. Он уничтожил самостоятельное крестьянство, как только смог. А о временном характере НЭПа Ленин говорил достаточно часто. То, что именно Сталин, а не Бухарин, "споткнувшийся о крестьянство", продолжал дело Ленина, Д. Штурман убедительно доказывает, полемизируя при этом с Авторхановым.

Под конец она касается попыток Бухарина помочь Осипу Мандельштаму, что было одним из его порывов в отдельном частном случае что-то сделать для человека. Не берясь судить Бухарина, получившего смертный приговор от прежде поддержанного им Сталина, Д. Штурман заканчивает последнюю короткую главу о Бухарине и Мандельштаме словами: "Бессмертным остается только Поэт, ибо бессмертны — свободные" (стр. 331).

3. Л. Троцкий

Первую главу этой части, "Уроки в пустом классе", мы печатали в "Голосе Зарубежья" №№ 25 и 26, этой главы мы не будем касаться. Вторая глава называется "Легенда о демократе Троцком". Как и в случае Бухарина, Д. Штурман убедительно показывает, что и Троцкий не был демократом, хотя и о нем творятся легенды, особенно его последователями на Западе, неотроцкистами всех мастей. У Троцкого те же цели, да и методы, если это касается "человеческого материала". "Выкинуть эту шваль" — это очень характерное для Троцкого начала 20-х гг. выражение... У кого может вызвать уважение или сочувствие человек, который об убийстве не подошедших ему живых орудий, говорит: "... то их расстреливали и пр.?" А об угодивших: "которые годятся не для тачки"? У меня — не может, как бы ни убивалась об его колитах и лихорадках прелесть Наталия Седова, бывшая романтическая дворяночка" (стр. 404 — 405).

От себя вспомним одну "мелочь". Троцкий, еще не большевик, а левый журналист, писал длинные статьи по поводу дела Бейлиса и многократно утверждал принцип, что ни один лично не виновный человек не должен быть

осужден. Даже если бы некоторые евреи совершали ритуальные убийства (чего никогда не было), писал Троцкий, но лично Бейлис в них никогда не участвовал, он должен быть оправдан. Совершенно верно. И Бейлис был оправдан! Но затем Троцкий — большевик, уже изгнанный Сталиным, преспокойно писал, что ни в чем лично не виноватый мальчик-наследник должен был быть убит, т.к. мог бы стать знаменем монархистов. Нисколько не смущаясь, он пропагандировал превентивное убийство ребенка!

Описав, как Троцкий создавал вместе с другими Красную Армию, Д. Штурман пишет: "Когда я читаю, как крестьянский сын Александр Зиновьев объявляет советскую партократию народной властью, я всегда вспоминаю роман Василия Гроссмана "Все течет" и "Руку" Ю. Алешковского. И если мне задают вопрос: "А почему они не сопротивлялись?" — я отвечаю, что, во-первых, они отчаянно сопротивлялись, а во-вторых, легко ли безоружным и мирным людям сопротивляться вооруженному, организованному и легализованному бандитизму? Если считаете, что легко — попробуйте" (стр. 406). В самом деле, цинизм Зиновьева в этом вопросе не может быть преувозднен!

Третья глава имеет интересное заглавие "Интеллигентоид и культура". Что это такое — интеллигентоид? "Кто такой интеллигентоид, — пишет автор, — объяснить очень легко: это человек со словарем и манерами интеллигента, но таковым не являющийся" (стр. 412). Таковым Д. Штурман считает Троцкого. Она снова полемизирует с западными апологетами Троцкого. "Очень трудно понять, почему Троцкий, взхлеб требовавший того же, что Сталин осуществлял (правда, несколько позже и с несравненно большим обеспечением), вызывает у своих современных биографов такую симпатию? Ведь от них далеко не полностью ускользает его чудовищная готовность на все во имя своей чреватой планетарным кошмаром идеи!" (стр. 438).

В четвертой главе, "Читая позднего Троцкого", автор устанавливает, что и после изгнания, в 1936 г., у Троцкого не было четкого представления о том, как же выгладит тот социализм, которого он продолжал требовать. Как и все социалисты, он говорит о гармонии, о солидарности, об удовлетворении всех потребностей, но кто будет определять, в чем состоит гармония, какие потребности должны быть удовлетворены и пр., — об этом он, как и все социалисты, умалчивает. Как обычно у социалистов, ему важно распределение, других областей жизни человека и общества он почти не касается. "В отношении Троцкого к проблеме "отмирания государства" при социализме сквозит наивность, граничащая с инфантилизмом, причем это наивность не только его, но и

классической исходной догматики" (стр. 449).

Автор указывает, что Троцкий в изгнании совершенно не ориентировался в положении в СССР, и все прогнозы его не исполнились. Никаких альтернатив Сталину у Троцкого не было. "Таким образом, социализм и для Троцкого, как и для Ленина, и для Сталина, — это в первую очередь государственная экономика. Тупиковых сторон и потенциалов тотального государственствования не разглядел ни один из них" (стр. 452).

В заключение Д. Штурман набрасывает разные выходы из кажущихся тупиков современного массового общества. Выходом только не может быть государственный социализм. "Ошибка всех тактических оппонентов Сталина и многих исследователей конфликтов между Сталиным и его оппонентами заключается в неощущении как фракционером, так и упомянутыми учеными единственности той тактики, которая могла обеспечить победу и выживание коммунистической партократии в СССР" (стр. 556).

Книга заканчивается словами: "На деле могучей, агрессивной, но неспособной прокормить себя и своих сателлитов державой твердо и бдительно управляет кучка безличностей, чью власть утвердили и обеспечили страшные, но незаурядные личности: Ленин, Троцкий и Сталин. Бухарин пусть останется от них отделенным: в конце своей жизни он попытался воспрепятствовать злу и погиб ужасно..." (стр. 559).

Мы горячо рекомендуем эту умную и информативную книгу читателю.

В. Пирожкова

Ф. Незнанский и Э. Тополь. "Журналист для Брежнева или смертельные игры". Изд. "Посев", 1981.

Криминальный роман с политической подкладкой, написанный очень живо и увлекательно. Развертывает картину коррупции вплоть до самых верхов, показывает преступный мир, а также наркоманов-подростков.

Роман — не научное исследование, сюжет его в ряде моментов можно вполне отнести к области фантазии авторов. В частности, следовательно, от имени которого ведется повествование, представляется неправдоподобно честным, а "журналист для Брежнева", корреспондент "Комсомольской правды", неправдоподобно наивным. Но общая картина бандинизма и наркомании, вероятно, соответствует действительности. Всякий, кто жил в СССР, знает, как велика там преступность. О ней мало пишут в газетах, о ней не публикуется статистика, но она, конечно, значительно больше и ши-

ре, чем в свободном мире. Одной из больших ошибок является наивное мнение тех, кто не жил в СССР, что при диктатуре якобы меньше хулиганства и преступности. Но их не меньше, а значительно больше. И наркомания, увя, все ширится, хотя властями тщательно замалчивается.

В книге есть еще один чрезвычайно важный аспект: в ней указывается на то, что власти в СССР совершенно официально заседают огромные площади маком и производят из него наркотики, преимущественно опиум, который сбывается на Запад. "Я бы хоть сейчас туда вылетел, да был у меня разговор с Цвигунном из КГБ. Только это между нами. Он дал мне понять, что они сами занимаются переброской наркотиков за рубеж, это одна из самых прибыльных статей дохода валюты. Чем посылать каким-нибудь "Красным бригадам" доллары, проще передать им ящик опиума. Не зря "Голос Америки" сказал, что мы уже вышли по наркотикам на третье место в мире. Это только то, что они знают. Так вот всеми, кто нарушает эту государственную монополию, Цвигун и Цинев занимаются сами" (стр. 265 — 266).

Это не выдумка авторов романа. СССР закидывает на Запад наркотики, обучает террористов для засылки на Запад, всячески помогает его разлагать. Мы хотим сказать всем эмигрантским хулителям свободного мира, всем, кто бранит его распушенность и винит в этом свободу Запада: подумайте, какую роль в этой распушенности, в актах террора, в наркомании играет коммунистическая диктатура. Всегда были, при любых правительствах и любых системах, люди, сбивающиеся с правильного пути. Не свобода их создала. При рабстве развращенных больше, чем при свободе. Но учитывали ли те, кто так любит бранить Запад, какая доля того, что в нем есть развращенность, падает на Советский Союз?

В. Пирожкова

А. Солженицын. "Красное колесо". Париж, 1983.

При чтении второго тома углубляется и утверждается напрашивавшееся с самого начала сопоставление с "Войной и миром". Как и у Толстого, романическое действие прерывается тут историческими отступлениями, которые, как факт, занимают даже большую часть книги. Это бы можно с чисто художественной точки зрения критиковать, но мы не станем, ибо они воспринимаются с неменьшим интересом, чем беллетристическая часть повествования.

Отметим, подходя с политической меркой, что многое здесь есть такое что, не вызывая

возражений у трезвых монархистов (иногда способное заслужить и полное их одобрение), наверняка навлечет на автора грома и молнии со стороны крайне правых, не слишком стесняющихся здравым смыслом, — а именно высказывания о Царе и о монархии, вложенные в уста персонажей, особенно лево настроенных (которые, понятно, иначе судить и не могли!)

Так оно обстоит, в частности, в первой части тома. Дальше встает несколько иной вопрос.

Солженицын восторгается Столыпиным, что и вполне обосновано. Верно, конечно, и то, что не погибни он так нелепо и преждевременно, судьбы России могли бы быть другими.

Но... культ Столыпина приводит неощутимо писателя к досаде на Царя, который, кажется ему, не сумел понять ниспосланного ему судьбой великого человека и правильно им воспользоваться. Между тем, справедливо ли такое обвинение? Не будем ни прибегать к другим источникам, ни ставить под сомнение приводимые факты; станем опираться исключительно на "Красное Колесо".

И что же мы видим? Николай II отличил и оценил Столыпина; вопреки противодействию окружающих и даже собственным его протестам, поднял его с низов и призвал к власти; и удержал его на посту до самой его неожиданной смерти.

Что у них бывали между собой трения по работе, так в каком учреждении, при каком сотрудничестве таковых не возникает? А тут речь ведь шла о важнейших вещах; да и характеры у них были вовсе разные. Притом даже нельзя сказать, чтобы Столыпин был всегда прав (чего и сам Солженицын не утверждает); ему случалось спешить, без нужды обострять вопросы и т. п.

Позволим себе одно историческое сравнение. Умный и благонамеренный король Людовик XIII не раз ссорился со своим гениальным министром Ришелье; выглядело так иногда, что он его непременно и прогонит... Но он того никогда не сделал, сознавая свой долг перед Францией.

Так и тут. А что перед концом вышло между Царем и премьер-министром охлаждение, — кто может сказать, не примирились ли бы они опять? (В придворных сферах у Столыпина имелись как противники, так и союзники; если царица его не любила, то вдовствующая императрица стояла за него горой; что делает честь ее пронизательности).

Но ведь даже и отстрани Царь Петра Аркадьевича от власти, — он бы его наверняка вскоре к ней возвратил; так что ничего бы непоправимого не произошло (и даже, — случись это до киевской трагедии, — драгоценная Россия жизнь Столыпина оказалась бы сохранена!)

Так что: в чем же можно упрекнуть Нико-

лая II?! Оговоримся, что мы его ничуть не считаем непогрешимым и что речь не идет о монархическом принципе; кто же не сознает, что бывают более или менее способные государи?

Тем более напрасны жалобы о невнимании к раненному премьеру. Царь его посетил, но он в тот момент лежал без сознания. Отменить программу празднеств, напечатанную заранее, обмануть ожидания собравшегося народа и местных властей, создать впечатление тяжелого кризиса правительства? Мы знаем, что Николай II подобных вещей не любил делать, даже в самых важных случаях.

Недостаточно суровое наказание виновных? Кого же? Богров был повешен (чего уж больше! впрочем и за дело, разумеется). Кулябко и по Солженицыну просто проявил себя простофилей, а Курлов и Спиридович даже и разобрататься не имели возможности. В чем их было винить, кроме служебной оплошности? А что суд над ними что-то бы разъяснил общественному мнению, — позволительно сомневаться: революционно настроенные круги лишь обрадовались бы наказанию членов охраны; правые лишь хуже были бы деморализованы... Милосердие Государя, свойственное его характеру, имело свой *raison d'être*. Столыпина же было все равно не воскресить.

Удивляет, наоборот, пренебрежительное (хотя и не ясно выраженное) отношение к Витте. Если бы его слушались, не было бы Японской войны; и опять-таки, все могло бы пойти иначе.

Во многих других случаях Солженицын дает весьма правдоподобную версию событий; например, о роли Азефа, о причинах действий Богрова (хотя сей последний остается-таки для читателя загадкой...)

Образ Николая II, может быть, несколько менее глубок и сложен, чем бы следовало. Но это уж — вопрос мнения.

В смысле стиля кидается в глаза отход от подчеркнутого словотворчества в первом томе, в сторону приближения к стандартной литературной речи. Очевидно, автор пережил свое увлечение неологизмами, что можно только приветствовать.

Наоборот, в смысле орфографии "Красное Колесо" неприятно отличается от "Августа Четырнадцатого" ее советским характером. В частности, мучительно рябит в глазах от натканных повсюду (без нужды) ё!

В. Рудинский

Д. Антонов. "Восстание".

В конце прошлого года вышла книга Д. Антонова "Восстание". Эпиграфом к своей книге автор взял:

"Я в гроб сойду и в третий день восстану".

Эта книга является продолжением книги того же автора "Чеховские университеты". По поводу этой книги мне пришлось уже писать. Обе книги говорят об одном и том же, а Чехов, упоминаемый безостановочно в обеих книгах, "канонизирован", так сказать, и является для автора непререкаемым авторитетом не только для литературных произведений, но и во всех областях духовной культуры. При всем приятии Чехова, как одного из значительных русских писателей, возведение его в образец всех добродетелей, по крайней мере, спорно. В обеих своих книгах автор при любых обстоятельствах своего изложения упоминает имя Чехова как критерий для оценки того или другого события или явления. Не скрою, что это вызывает иногда досадное чувство.

Но сейчас о самом содержании книги. Как уже было сказано в начале статьи, "Восстание" является продолжением "Чеховских университетов", и те же лица фигурируют в обеих книгах. Это три поколения одной семьи. Все описываемые события происходят во многих местах: в России, Советском Союзе, Польше, в Западной Германии, Израиле и в других местах. Время, показанное автором, — тяжелое, когда людям пришлось переживать события апокалипсического характера.

Все содержание книги пронизано высказываниями по поводу не только происходивших событий, но и их причин, последствий и осложнений. Надо сказать, что автор говорит о событиях, начиная с 1917 года по текущий 1892 — 1893 год. Вследствие этого часто приходится напрягать внимание и порой перечитывать, чтобы понять, кто высказывается сейчас, так как мысли чередуются одни за другими у всех почти персонажей.

Судьба всех членов семьи трагична. Но книга написана, главным образом, для высказываний автора. Высказывания интересны потому, что автор говорит об одной и той же теме — гибели духовного начала, которое автор называет, я бы сказал, расплывчатым понятием культуры. Еще одно: автор говорит о лицах, которые были так или иначе причастны к гибели "прогрессу".

У этих людей не было того, что должно быть у людей с ясными представлениями о категориях добра и зла. Не было полного, всеобъемлющего отрицания зла, не было признания, что марксизм, социализм, коммунизм, большевизм — это метафизическое зло, сильное тем, что оно соблазняет нестойких людей, которые должны были бы знать, обязаны были знать совершенно точно, что является подлинной нравственной ценностью.

Полное отсутствие религиозного начала в их жизни и какое-то странное, совершенно неестественное забвение величественного прошлого России, как в области государственности, так и исторических традиций, делает высказы-

вания этих лиц, устами которых говорит, конечно, автор, однобокими. Почему умалчивается это? Почему автор книги приводит десятки цитат, всяческих сравнений, а о главном умалчивает, как "воду в рот набрав". Делается это умышленно, или люди, уже родившиеся после "великой октябрьской", лишены нормального восприятия настоящего, прошлого и чаемого будущего? Я понимаю, что они уже с раннего детства должны были воспринять весь советский "воздух", что ли, так разнящийся от веками выработанного быта, уклада жизни, когда люди жили без страха не только за завтрашний день, а за всю свою будущую жизнь. В этих высказываниях выявляется вся ущербная психология людей, которым выпало на долю жить в советской действительности, так похожей на застенок. А потому для людей, избежавших советской жизни и живших в трудных, но человеческих условиях Зарубежья, многие мысли автора не представляются подлинно ценными.

Автор, оказавшись "на воле", все еще продолжает жить суррогатами, продолжает чувствовать как человек, который лишен критерия оценивать все происходящее, всю нашу жизнь единственно верным способом.

Постоянные ссылки на Чехова производят впечатление какого-то неестественного духовного состояния автора. У него начисто отсутствует иерархия ценностей. Слова Бог автор не упоминает ни разу. Если это делается умышленно, то автор несомненный атеист, если нет, то автор избегает этого в угоду кому-то.

Я уж не говорю о том, что христианская осмысленность нашей жизни объясняет все происходящее, и евангельские тексты были бы как раз уместны, без сомнения, более, чем бесчисленные ссылки автора на известных литераторов.

А забвение прошлого России говорит о том, что автор и его герои живут в искусственно созданном "безвоздушном" пространстве советской действительности.

Но самое интересное в книге — это то, что персонажи этой книги, оказавшись за пределами Советского Союза, нисколько не меняются, и их духовное состояние остается таким же убогим, как и в советской действительности. Очень много приводится высказываний, в которых поносится советская жизнь, что и естественно, конечно, потому что советы — это материализованное Зло.

Но ни в одном из высказываний не говорится об обновлении духовного состояния людей, вырвавшихся "на волю". Ссылки на Культуру и на неизменного Чехова никак не убеждают человека, живущего нормальными представлениями о Боге как Творце вселенной и Источнике Блага. Господь Бог дал нам — человечеству — заповеди, по которым человек должен жить для достижения Вечной Жизни.

Все "прогрессивные" установки советского мышления, все убогие попытки устройства "земного рая" оборачиваются сплошным концлагерем и калечением духовной жизни человека. Это является великим подлогом, фальсификацией всех культурных установок и Ложью, основой всей жизни в СССР.

События в книге Антонова "Восстание", как и в "Чеховских университетах", протекают неравномерно, не хронологически. Иногда это начало революции, а затем сразу послевоенное время, порой события предвоенного времени, а затем конец семидесятых годов.

В книге, конечно, ценно то, что автор — непримиримый враг коммунизма, дикого произвола, учиненного сознательными разрушителями России. Автор показал, что советское существование пронизано насквозь ложью, подлогом. Оболгано прошлое, все происходящее толкуется так, как нужно партии, этой преступной сатанинской организации, правящей при помощи страшного террора, подавления всякой свободной мысли и преследования людей за их стремление к нормальной человеческой жизни. "Лгут в СССР все, хотя и по разным причинам. Все так сделали и со "старой"

Россией. Убили правду и память о ней". Но нигде не сказано, что большевизм стал возможен только из-за двух причин. Длительной подготовки внутри России, где шла явная и скрытая борьба против наших вековых устоев, против нашей государственности и религии. А затем пошло "увлечение" марксизмом, дань которому стали отдавать и Струве, и Булгаков, и Бердяев.

Автор в конце книги правильно говорит, что России и теперь на Западе не знают. Он цитирует Ивана Солоневича, который сказал, что "все последние десятилетия можно назвать временной "эпохой вырождения". И дальше И. Солоневич говорит: "После великой катастрофы мы стоим перед великим возвращением в свой дом, к своему идеалу. Наше будущее мы должны строить, исходя из нашего прошлого, а не из наших шпаргалок и программ, утопий и демагогии".

И автор заканчивает свою книгу оптимистической нотой: "Страшный опыт — заглянуть в самую гущу мрака — был проделан в России. Преданной, проданной и прошедшей через все муки ада. Но впереди — брезжит свет".

В. Кобылин

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Уважаемая редакция, один из зарубежных читателей посылает Вам для возможного напечатания в Вашем журнале "Голос Зарубежья" в любой форме несколько строк в сжатом виде по вопросу, как сказали бы сегодня, "висящему в воздухе" ... Спасение России собственными силами это — очередной миф, вбиваемый в голову эмигрантов изощренными творцами известных ранее мифов.

Пора уже было бы положить конец распространению всякого мифотворчества, откуда бы оно ни шло — с Карпатских высот или из мюнхенских пивнушек, где за кружкой пива наши соотечественники дебатуют вопрос о возможности национального возрождения в условиях коммунизма.

*С совершенным уважением
Зарубежник*

О СПАСЕНИИ РОССИИ

В некоторых органах печати Зарубежья настойчиво проводится мысль о спасении России от коммунистического чудовища исключительно ее собственными средствами. "Другого пути нет", — читаем мы в № 7-8 "Вече". Ни на какую помощь извне рассчитывать нельзя. В этом духе пишут и другие органы, вещающие о признаках национального возрождения в русском народе; перечислять их не стоит, они всем известны.

Кто будет спорить о самоценности национального русского самосознания, о великом прошлом нашей российской истории, о многовековой борьбе русского народа за свое бытие?! Борьба эта в основном лежала на плечах самого народа и велась, действительно,

своими собственными силами. Это было в прошлом. Но можно ли говорить сегодня о "собственных силах России", могущих свергнуть с себя коммунистическое чудовище, разьедающее ее тело? Да и тело России сегодня далеко не то же самое, что было, скажем, при Петре и после... Сегодня это наполовину — конгломерат наций, народов, племен. Национально возродиться такая страна могла бы лишь в условиях свободы, когда можно без чувства страха жить не по лжи.

Проблема борьбы с большевистским чудовищем не является сегодня проблемой одной только России — страны, к тому же усыпленной наркотиками века. Проблема эта — мировая, и в решении ее, следовательно, должны будут принимать участие все нетоталитарные государства и народы. Лозунгом дня становит-

ся интернациональное объединение антикоммунистических сил, чему уже положено, как известно, начало в Европе. И надо понять вечвцам и другим "национально мыслящим" мозгам, что не из любви к России будет бороться Запад против красной чумы, поразившей в первую голову нашу родину: бороться. Запад будет только за свое собственное бытие. На знамени общей, планетарной борьбы человечества за свое выживание будет написано одно: "Спасение мира в его объединении!" И нам, зарубежникам, не остается ничего другого как приложить все усилия к прочищению мозгов не только западных русофобов, но и тех западников, кто думает, потягивая кофе со сливками, что "это" их не касается. Все будет зависеть, и в самом недалеком будущем, от одного вопроса: способен ли Запад преодолеть то, что социологи называют "инстинктом самоуничтожения" в различных формах проявления его в человеке. Глубоко прав был Г. Струве, когда говорил еще ранее ("Вестник РХД" № 126): "Большевизм есть мировое явление, и судьба его будет решена только на мировой арене". Где уж тут собственными силами страны, да еще такой, как Россия, скованной по рукам и ногам большевизмом! Как будет решена ее судьба — предсказывать трудно. Одно только можно сказать с некоторой уверенностью, следуя Нострадамусу: спа-

сение России, как и всего мира, от большевистского чудовища произойдет, скорее всего, не военными средствами. Но если даже дело дойдет до войны, и тогда никакого апокалипсиса не получится: все будет решено фантастическими средствами борьбы с минимальными жертвами в стратосфере, над землей*. Победит там СССР — настанет конец свободы и достоинства человека, конец христианской эры, и не только христианской. Начнет в стратосфере Запад бить противника — тотчас же будет сделана последняя попытка московской мафии спасти себя и своих приспешников от гибели — поднятием паруса свободы на корабле. Мафия меньше всего будет думать о спасении страны. В критическую минуту ее спасением займутся москвичи, внутренние эмигранты, подняв на Красной площади знамя с одной только буквой "С", а на Западе взойдется знамя с именем, начинающимся тоже с буквы "С"... Дай Бог, чтобы эти знамена были одновременно подняты до поединка в стратосфере. Что же, поживем — увидим...

Зарубежник

* Прогноз автора письма о "войне в стратосфере" представляется фантастическим: через стратосферу ракеты и самолеты лишь пролетают, а главные цели у них наземные. Прим. ред.

В мою статью в № 29 "Голоса Зарубежья" вкралась весьма досадная опечатка. Так, на стр. 9–10 примечание о сущности режима Франко обозначено как редакционное, на деле оно принадлежит мне и должно быть обозначено "прим. авт." Там же, в цитате И. Бирмана, напечатано "фашистской Испании", следует читать "франкистской Испании".

На стр. 10, после абзаца о статье Никольской, выпал конец фразы, из-за чего стало непонятным начало следующего абзаца. После слов "... давшим основу этого социологического исследования" следует читать: "... в отличие, например, от Б. Сегала, который в статье на сходную тему принял, мягко говоря, некорректный к эмиграции тон".

На стр. 12 автор высказывания о "советском буржуе" не Ю. Мамлеев, а Ю. Мальцев.

Пользуясь этим случаем, я хотел бы также выразить редакции благодарность за ценное замечание к одной моей неточно выраженной мысли в статье в "Голосе Зарубежья" № 28. В частности, я не сомневаюсь, что социализм — это есть удушение личной инициативы и что тотально плановое хозяйство не давало и не может дать сколько-нибудь удовлетворительного результата, сравнимого с западной экономикой. Это доказывают все существующие ныне социалистические режимы своей практикой.

Е.Кармазин

Как постоянный сотрудник "Голоса Зарубежья" позволю себе выразить свое решительное несогласие с объявлением В. Рудинским "Русской Мысли" "тусклым" "атеистическим" изданием "левого стана", да еще управляемым "дирижерской палочкой незримого начальника".

Считаю "Русскую Мысль" одним из достойнейших изданий русского Зарубежья.

Дора Штурман

SPARC

КОМИТЕТ СПАСЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПЛЕННЫХ
В АФГАНИСТАНЕ
SOVIET PRISONERS IN AFGHANISTAN
RESCUE COMMITTEE

Address: SPARC, 78 Beckenham road, Beckenham/Kent BR34RH, United Kingdom, Bank Account: Account No 91115758, Midland Bank Plc. 184, High Street, Bromley/Kent, BR1 HL, United Kingdom

ОБРАЩЕНИЕ

Комитета спасения советских пленников в Афганистане

В Афганистане советские воинские части несут большие потери. По сведениям из разных источников, только число убитых солдат и офицеров за три года превышает 20 тысяч.

Как и в каждой войне, в этой тоже есть пленные. Но афганцы по условиям партизанской войны, а также возмущенные карательными экспедициями советских оккупационных войск советских солдат берут в плен неохотно. Нередко убивают и уже взятых в плен. Мы считаем, что нужно спасать людей от смерти. Они расплачиваются своей жизнью за преступные приказы советского командования.

Следуя сталинской "традиции", советское правительство ничего не сделало в их защиту. Советское правительство отказывается признать афганское освободительное движение воюющей стороной. Советское посольство в Швейцарии пропагандно терроризирует тех немногих советских пленников, которые благодаря усилиям Международного Красного Креста попали в Швейцарию. Советское правительство не заинтересовано в спасении жизни пленников: их гибель должна ожесточать других солдат.

Спасение советских пленников задача неотложная, но и очень трудная. В Англии для этой цели создан Комитет под председательством графа Николая Толстого-Милославского, в который вошли многие представители эмиграции — иерархи православной Церкви, писатели, журналисты, деятели искусства, ученые, общественные деятели. Рабочая группа Комитета установила непосредственный контакт с различными группами афганского освободительного движения с целью поощрять, где нужно — даже материально, гуманное обращение с советскими пленными, объяснять его политическую выгодность.

Речь идет не о призыве к советским солдатам сдаваться в плен. Но в боях, особенно в партизанской войне, которую ведут афганцы, нередко условия складываются так, что плен становится неизбежным. В настоящий момент в Афганистане в руках у повстанцев находится свыше 200 пленников советских солдат. Им пока сохранили жизнь. Но попадет тот или иной партизанский отряд в тяжелое положение — и жизнь такого пленного повиснет на волоске.

По мере возможности Комитет будет оказывать спасенным советским пленным духовную, юридическую и материальную помощь, независимо от их национальной принадлежности, религиозных и политических убеждений. На работу Комитета нужны немалые средства. Мы надеемся, что эмиграция поддержит работу Комитета своими пожертвованиями. Деньги можно посылать чеками по адресу Комитета: SPARC, 78 Beckenham road, Beckenham/Kent BR34RH, United Kingdom, или переводить на банковский счет: Account: No 91115758, Midland Bank Plc. 184, High Street, Bromley/Kent, BR1 HL, United Kingdom.

В русской зарубежной прессе будут периодически публиковаться отчеты о денежных поступлениях и о деятельности Комитета.

В число почетных членов Комитета входят:

Председатель — граф Николай Толстой-Милославский; почетные члены: Пр. Антоний, Архиепископ Женевский и Западно-Европейский, Пр. Константин, Епископ Ричмондский и Британский, Пр. Марк, Епископ Берлинский и Германский, А. А. Авторханов, В. П. Аксенов, А. И. Гинзбург, П. Г. Григоренко, И. А. Иловайская-Альберти, О. А. Керенский, Л. З. Копелев, Наум Коржавин, В. Е. Максимов, Э. О. Неизвестный, В. П. Некрасов, Э. В. Оганесян, С. М. Поликанов, Андрей Седых, А. П. Столыпин, Я. А. Трушнович, Е. А. Якобсон.

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

ДОРА ШТУРМАН МЕРТВЫЕ ХВАТАЮТ ЖИВЫХ

560 стр. Цена 9 англ фунтов.

В первой части этой книги, озаглавленной "Победа и крушение Ленина", рассмотрены миропонимание, этика и деятельность Ленина в 1917–1923 г.г. Во второй части, которая называется "Николай Бухарин – любимец партии", исследована альтернатива "Сталин–Бухарин". Третья часть книги называется "Читая Троцкого". На примере Троцкого легче всего выявляются и прослеживаются основные черты классического марксизма. Троцкизм представляет собой сегодня активное направление международной коммунистической мысли и деятельности, успешно используемое Советским Союзом. Поэтому восстановление истинного миропонимания, психологии и поступков Троцкого особенно злободневно. Источниками для написания этой книги послужили преимущественно сочинения, речи и письма Ленина, Бухарина и Троцкого, а также исторические документы, связанные с их деятельностью. В книге использованы многочисленные свидетельства современников описываемых событий. Несмотря на всю документированность книги, изложение носит характер очерково-публицистический, а не строго академический. Сохранен живой колорит событий, уделено существенное внимание психологической подоплеке поступков главных персонажей исторической драмы 1917–1930 годов. События рассматриваемой эпохи соотнесены с современностью.

Во всех русских книжных магазинах и в издательстве
Overseas Publications Interchange Ltd.
8 Queen Ann's Gardens GB London W4 1TU

ЮЗЕФ МАЦКЕВИЧ ПОБЕДА ПРОВОКАЦИИ

Перевод с польского
Галины и Сергея Крыжицких

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЗАРЯ"
Лондон, Канада
1982

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D – 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken - und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

